

Офиолатрея. Рассказ об обрядах и мистериях, связанных с происхождением, возникновением и развитием культа Змей в различных частях мира

Эдвард Селлон

Ophiolatreaia

Edward Sellon

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Офиолатрее

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Офиолатрея

Автор: Эдвард Селлон

Дата выхода: 29 февраля 2012 г. [Электронная книга № 39015]

Последнее обновление: 8 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено командой онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ОФИОЛАТРЕЯ" ***

ОФИОЛАТРЕЯ, ИЛИ ПОКЛОНЕНИЕ ЗМЕЯМ

Офиолатрея: РАССКАЗ ОБ ОБРЯДАХ И МИСТЕРИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ПРОИСХОЖДЕНИЕМ, ВОЗНИКНОВЕНИЕМ И РАЗВИТИЕМ культа Змей В РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЯХ МИРА, ОБОГАЩЕННЫЙ ИНТЕРЕСНЫМИ ТРАДИЦИЯМИ, И ПОЛНОЕ ОПИСАНИЕ ЗНАМЕНИТЫХ Змеиных курганов и храмов, В ЦЕЛОМ ОБРАЗУЮЩИЙ ЭКСПОЗИЦИЮ ОДНОЙ ИЗ ФАЗ Фаллического, или Сексуального культа.

НАПЕЧАТАНО ЧАСТНЫМ ОБРАЗОМ.
1889г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Наших слов в качестве предисловия и введения должно быть совсем немного. Следующий том является дополнением к уже изданному под названием "Фаллизм". Эта работа, хотя и

законченная сама по себе, встречает в ней дальнейшее разъяснение своего предмета, поскольку, по мнению многих, Офиолатрея, поклонение Змее, имеет фаллическое происхождение. Такая точка зрения и другие, противоположного характера, были честно изложены, и к лучшим и заслуживающим доверия авторитетам были обращены за историей, аргументами и иллюстрациями, с помощью которых их можно было понять. Не было предпринято никаких попыток настаивать на каком-либо одном методе интерпретации как на несомненно правильном, но были изложены простые факты, и читателю было предоставлено формировать свое собственное независимое суждение.

Содержание.

Страница.

Глава I.

1

Офиолатрея экстраординарный предмет—Таинственного происхождения—
повсеместного распространения—Змей, распространенный символ в мифологии—
Поклонение змее, естественное, но иррациональное—Вакхические оргии—
Олимпиада, мать Александра, и эмблема Змеи—Термутис, священный Змей—
Аспиды—Сатурн и его дети—Жертвоприношения на алтаре Сатурна—Абаддон—
Ритуал Зороастра—Вулкан—Теология Офиона—Куфиты—Офиогенеи—
Офионийцы—Греческие традиции—Кекропы — различные змеепоклонники.

Глава II.

10

Предполагаемое фаллическое происхождение культа змеи—Идея жизни—
Поклонение принципу зарождения—Змея как символ фаллоса—Фаллическое
поклонение в Бенаресе—Змей и Махадео—Фестиваль “Наг панчами”—Змеи и
женщины—Следы фаллического поклонения в отметинах на скале Кумаон—
Северные луковичные камни—Профессор Стивенс о Змее как символе фаллоса—
“Дионисийский миф”—Браун о Змее как фаллической эмблеме—Мифология
Арийские народы —сэр Г. У. Кокс и фаллическая теория —Афинская мифология.

Глава III.

17

Мифология древних—Характеристики языческих божеств—Доктрина о взаимных
принципах сотворения природы —Сотворение Яйца и Фаллоса—Лотос—Осирис
как активная, распределяющая и порождающая энергия—Гесиод и
воспроизводящие силы—Рост фаллического культа.

Древние памятники Запада—Долина Миссисипи—Многочисленные земляные работы Западных Штатов—Теории происхождения курганов—Теория “защиты”—Религиозная теория—Земляные работы “Великого змея” на Буш—Крик-“Аллигатор”, Огайо— “Крест”, округ Пикюз—Сооружения Висконсина—Рисунки мистера Пиджина—Значение земляных насыпей—Яйцо и примитивные представления человека—Яйцо как символ—Рождение Браммы—Аристофан и его “Комедия птиц”—Гимн Протогонам—Китайцы и Творение—Мирское или Орфическое Яйцо—Кнеф—Ответы мистера Глиддона на некоторые вопросы—Орфическая теогония и Яйцо—Великое Единство.

Солнце и Огонь как эмблемы—Змей и Солнце—Таут и Змей—Гораполло и Символ Змеи—Санхониатон и Змей—Древние мистерии Осириса и т.д.—Обоснование связи солнечного, фаллического и змеинового культа—Пантеон ацтеков—Мексиканские боги—Змея в мексиканской теологии—Великие Отец и Мать—Кецалькоатль, Пернатый Змей—Исследования Стивенса и Катервуда—Открытия мистера Стивенса .

Мексиканский храм Монтесумы—Эмблема Змеи в Мексике—Пирамида Чолулы—Традиция гигантов Ауауака—Храм Кецалькоатля—Североамериканские индейцы и Гремучая змея—Индейская традиция Великого Змея—Змеи в курганах Запада—Фанатизм и безумие испанских завоевателей Запада—Широкое распространение мексиканской офиолатрии.

Египет как родина поклонения змеям—Тот считается основателем Офиолатрии—Кнеф, архитектор вселенной—Тайны Исида—Таблица Исиака—Частота символа Змеи—Сераписа—В храмах Луксора и т.д.—Открытие на Мальте—Египетский василиск—Мумии—Браслеты—Кадуцей—Храм Кнефа в Элефantine—Фивы—История священника—Роспись в гробнице в Бибане в Малуке—Пококе в Рейни .

Происхождение названия “Европа”—Греция, колонизированная офитами—Многочисленные следы Змеи в Греции—Поклонение Вакху—История Эриктония—Пир вакханок—Минерва—Доспехи Агамемнона—Змеи в Эпидавре—История эпидемии в Риме—Дельфы—Магомет в Атмейдане.

Офиолатрея в Британии—Друиды—Гадюки—Поэма Талиессина—Богиня Керидвен—Поэма бардов—Змеиные камни—ангуинум—Казнь римского рыцаря—

Остатки храма змеи в Абери—Следы змеи в Ирландии, большая редкость—Святой Патрик.

Глава X.

94

Индия, заметная в истории поклонения змеям—Нагпур—Исповедь змеепоклонника—Садовники Гузерата—Домики для змей в Каликуте—Праздник змей—Божество Хари—Гаруда—Змея как символ бессмертия.

Глава XI.

99

Г-н Выставка предметов, иллюстрирующих поклонение Змеям, созданная Баллоком.

ОФИОЛАТРЕЯ.

ГЛАВА I.

Офиолатрея необычный предмет—Таинственного происхождения—повсеместного распространения—Змей распространенный символ в мифологии—Поклонение змее естественно, но иррационально—Вакхические оргии—Олимпиада, мать Александра, и эмблема Змеи—Термутис, Священный Змей—Аспиды—Сатурн и его дети—Жертвоприношения на алтаре Сатурна—Абаддон—Ритуал Зороастра—Офионский богослов—Куфиты—Офиогенеи—Офионийцы—Греческие традиции—Кекропы—Различные змеи верующие.

Офиолатрея, поклонение змее, наряду с поклонением фаллосу, является одной из самых замечательных и, на первый взгляд, необъяснимых форм религии, которую когда-либо знал мир. До тех пор, пока не будет достигнут и понят истинный источник, из которого оно возникло, его природа будет оставаться такой же загадочной, как и его универсальность, ибо то, что человек мог увидеть в объекте, столь отталкивающим и отталкивающим по своим привычкам, как эта рептилия, которой можно поклоняться, является одной из самых трудных проблем, требующей решения. Однако вряд ли найдется страна древнего мира, где ее нельзя было бы проследить, поскольку она пронизывает все известные мифологические системы и оставляет доказательства своего существования и масштабов в виде памятников, храмов и земляных сооружений самого сложного и любопытного характера. Вавилон, Персия, Индостан, Цейлон, Китай, Япония, Бирма, Ява, Аравия, Сирия, Малая Азия, Египет, Эфиопия, Греция, Италия, Северная и Западная Европа, Мексика, Перу, Америка — все дают множество свидетельств того

же эффекта и указывают на общее происхождение языческих систем, где бы они ни находились. Было ли это поклонение результатом страха или уважения - вопрос, который возникает достаточно естественно, и, пытаясь ответить на него, мы столкнемся с фактом, что в некоторых местах, таких как Египет, символом был добрый демон, в то время как в Индии, Скандинавии и Мексике это был символ зла. Было отмечено, что в более теплых регионах земного шара, где это существо является самым грозным врагом, с которым может столкнуться человек, змею следует считать мифологическим спутником злого существа, и это неудивительно, но то, что в замороженных или умеренных регионах земли, где она превращается в незначительную рептилию, не способную вызывать тревогу, к ней следует относиться с таким же ужасающим характером, - факт, который не может быть объяснен естественными причинами. Единообразие традиций само по себе может удовлетворительно объяснить единообразие суеверий там, где местные обстоятельства столь противоречивы.

“Змей - это символ, который чаще всего входит в мировую мифологию. В разных странах он может признавать среди своих братьев-сателлитов сатаны самое ядовитое или самое ужасное из животных в каждой стране, но он сохраняет свое собственное постоянство как единственный неизменный объект суеверного ужаса во всем пригодном для обитания мире. ‘Везде, где царствовал дьявол,’ замечает Стиллингфлит, ‘змея пользовался особым почитанием’. Сейчас предлагается показать универсальность этого странного и иррационального, но естественного суеверия. *Иррациональный*, поскольку между божеством и рептилией нет ничего общего, что наводило бы на мысль о поклонении Змее; *иестественный*, потому что, допуская истинность событий в Раю, все вероятности говорят в пользу возникновения такого суеверия”.[1]

Может показаться невероятным, что поклонение змею вообще появилось в мире, и еще более удивительным должно казаться то, что оно распространилось почти повсеместно. Поскольку считается, что человечество погибло под влиянием этого существа, мы вряд ли могли ожидать, что оно из всех других предметов будет принято как самый священный и спасительный символ и станет главным объектом поклонения. И все же мы находим, что так оно и было, поскольку в большинстве древних обрядов есть некоторые намеки на это. В оргиях Бахуса люди, принимавшие участие в церемониях, держали в руках змей и с ужасными криками взывали к “Еве, Еве”. Их часто венчали змеями, при этом они все еще издавали те же неистовые восклицания. Одна из частей таинственных ритуалов Юпитера Сабазия заключалась в том, чтобы позволить змее проскользнуть за пазуху посвящаемого, которая была извлечена ниже. Говорят, что эти церемонии и это символическое поклонение начались среди волхвов, которые были сыновьями Хуса, и с их помощью они распространились в различных частях света. Епифаний считает, что призыв “Ева, Ева” связан с великой матерью человечества, которая была обманута змеем, и Климент Александрийский придерживается того же мнения. Другие, однако, думают, что Ева была тем же, что и Эф, Ефа, Офа, что греки переводили как “Офис” и этим обозначали змею. Клеменс признает, что термин “Ева” в правильном придыхании имел именно такое значение.

Олимпиада, мать Александра, очень любила эти оргии, в которых фигурировал змей. Плутарх упоминает, что подобного рода обряды практиковались эдонийскими женщинами близ горы Хемус во Фракии и доходили до степени безумия. Олимпиада в точности копировала их во всех их безумных маневрах. Обычно за ней следовали множество прислужниц, у каждой из которых был тирс, обвитый змеями. Кроме того, у них были змеи в волосах и в венках, которые они

носили, так что вид у них был самый устрашающий. Их крики также были очень шокирующими, и все сопровождалось постоянным повторением слов Euae, Saboe, Hues Attes, Attes Hues, которые были титулами бога Дионуса. Его звали Хуес, а его жрецами были Гиады и гиауты. Его также звали Эвас.

В Египте была змея по имени Термутис, которая считалась очень священной; говорят, что туземцы использовали ее как царскую тиару, которой они украшали статуи Исиды. От Диодора Сицилийского мы узнаем, что египетские цари носили высокие шапки, которые заканчивались круглым шаром, и все это было окружено фигурками аспидов. У священников точно так же на головных уборах были изображены змеи. У древних было представление, что, когда Сатурн пожирал своих собственных детей, его жена Опс обманула его, подменив одного из его сыновей большим камнем, который назывался Абадир. Но Опс и Описи, представленные здесь как женское начало, были божеством-змеей, а Абадир - тот же персонаж, но другого наименования. Абадир, по-видимому, является разновидностью Об-Адура и означает бога-змея Оруса. Один из таких камней, который, как предполагалось, проглотил Сатурн вместо ребенка, находился, согласно Павсанию, в Дельфах. Он считался очень священным, и на него ежедневно выливались возлияния вина, а по праздникам почитался иным образом. Смысл вышесказанного, вероятно, был таков: долгое время существовал обычай приносить детей на алтарь Сатурна; но со временем они убрали его, а в его комнате воздвигли каменный столб, перед которым произносили свои обеты и приносили жертвы другого характера. Этот камень, который они таким образом заменили, назывался Аб-Адар, по имени божества, представленного им. Термин Ab обычно обозначает отца, но в данном случае он, безусловно, относится к змею, которого безразлично называли Ab, Aub и Ob. Некоторые считают, что Абадон, или, как это упоминается в Книге Откровения, Абаддон, было именем того же офитского бога, поклонением которому так долго был заражен мир. Его называют Абаддон, ангел бездны - князь тьмы. В другом месте он описывается как дракон, этот древний змей, который является дьяволом и сатаной. Следовательно, предполагается, что ученый Хайнсиус прав во мнении, которое он высказал по поводу этого отрывка, когда он отождествляет Абаддона со змеем Пифоном.

Говорят, что в ритуале Зороастра огромные небесные просторы и даже сама природа были описаны под символом змеи.^[2] Подобное упоминалось в Восьмикнижии Останеса; и более того, в Персии и в других частях Востока воздвигали храмы змеиному племени и устраивали празднества в их честь, почитая их *верховными из всех Богов и правителями всего мира*. Поклонение началось среди жителей Халдеи. Они построили город Опис на Тигре и были сильно пристрастны к гаданию и поклонению змею. Из Халдеи поклонение перешло в Египет, где змеиное божество называлось Каноф, Канеф и К'Нефа. Он также носил название Об, или Оуб, и был таким же, как Базилик, или Царственный Змей; таким же, как Термутис, и таким же образом использовался для украшения статуй их Богов. Говорят, что главным божеством Египта был Вулкан, которого также звали Опас, как мы узнаем от Цицерона. Он был таким же, как Осирис, Солнце; и поэтому его часто называли Об-Эль, или Пифо Сол; и там были посвященные ему колонны с любопытными иероглифическими надписями, носящими то же название. Они были очень высокими и узкими по сравнению со своей длиной; поэтому у греков, которые копировали у египтян, все, что постепенно сужалось к острию, называлось Obelos и Obeliscus. Офель (Oph-El) было именем того же смысла, и многие священные курганы, или Тафа, были, таким образом, названы в честь змеиного божества, которому они были посвящены.

Санхониатон упоминает историю, которую он когда-то написал о поклонении змею. Название этого произведения, согласно Евсевию, было Этотион, или Этотия. Другой трактат на ту же тему был написан Ферецидом Тиром, который, вероятно, был копией первого; говорят, что он составил его на основе некоторых предыдущих рассказов о финикийцах. Его книга называлась "Богословие Офиона" и называлась Офионей, а его последователей называли Офионидами. Тот и Атот, несомненно, были титулами Божества в языческом мире; и книга Санхониатона, вполне возможно, была отсюда названа Этотион, или, более точно, Атотион. Но, исходя из темы, на которую это было написано, а также из трактата Ферецида, у нас есть основания думать, что Атотион, или Этотион, было ошибкой в названии "Афофион", которое более непосредственно относилось к тому культу, о котором говорил автор. Ат был священным титулом, как мы показали, и мы предполагаем, что эта диссертация не только касалась змееподобного Божества, но и содержала рассказы о его приверженцах, офитах, главными из которых были сыновья Хуса. Среди них зародилось поклонение змею, и отсюда они были названы эфиопами и айтопийцами, которых греки называли айтиопами. Они получили это название не из-за цвета своей кожи, как иногда предполагалось, поскольку ветвь Пхута и лухим, вероятно, были более темного цвета; но, скорее всего, они были названы так из-за Ат-Опе и Ат-Описа, Бога, которому они поклонялись. Это может быть показано у Плиния. Он говорит, что страна Эфиопия (и, следовательно, народ) получили название "Этиоп" от персонажа, который был Божеством — *аб "Этиопа Вулкани филио"*. Этиопы принесли эти обряды в Грецию и назвали остров, где они впервые установили их, Эллопией, *Solis Serpentis insula*. Это было то же самое, что Эвба, название аналогичного смысла, в котором остров был регионом под названием Эфиопия. Эвба — это, собственно, Оуб-Айя, и означает "Змеиный остров". Такое же поклонение господствовало и у гиперборейцев, как мы можем судить по именам священных женщин, ежегодно приезжавших на Делос; они были жрицами Таврической богини. Геракл считался главным Богом, таким же, как Хронус, и, как говорили, произвел на свет Земное яйцо. В орфическом богословии он был представлен под смешанным символом льва и змеи, а иногда и только змеи.

Кутиты под названием Гелиады поселились на Родосе, поскольку они были евитами, или офитами, вследствие чего остров был назван Офиуса. Существовало также предание, что когда-то он кишел змеями. (Бочарт говорит, что остров был назван Родус от *Rhad*, сирийского слова, обозначающего змею.) Подобное представление преобладало почти во всех местах, где они селились. Они имели более общие титулы лелегов и пеласгов; но более конкретно — беглецов, европийцев, оропийцев, асопийцев, инопийцев, офионийцев и Этиоп, как явствует из имен, которые они завещали; и в большинстве мест, где они проживали, передавались традиции, в которых упоминался их первоначальный титул офитов. Во Фригии и на Геллеспонте, куда они очень рано расселили колонии, жил народ, получивший название офиогенеи, или змеиная порода, которые, как говорили, сохранили родство со змеями; и преобладало мнение, что какой-то герой, руководивший ими, превратился из змеи в человека. В Колхиде протекала река Офис, а в Аркадии была еще одна река с таким же названием. Он был назван так в честь группы людей, которые поселились на его берегах, и, как говорили, их вел змей.

Говорят, что эти рептилии редко встречаются на островах, но предполагалось, что Тенос, один из Киклад, когда-то кишел ими.[3]

Фукидид упоминает народ Этотии, называемый офионийцами; а храм Аполлона в Петаре, в Ликий, по-видимому, впервые был основан жрицей с тем же именем. Остров Кипр назывался Офиуса и Офиодес из-за змей, которыми, как предполагалось, он изобиловал. К какому виду

они принадлежали, нигде не упоминается, за исключением только того, что в Пафосе, как говорили, обитала разновидность двуногой змеи. Под этим подразумевается раса офитов, пришедших из Египта и Сирии и обосновавшихся на этом острове. Они поселились также на Крите, где их численность значительно возросла; так что о Миносе было сказано в неприличной аллегории: *офейс оресай, змееносец, шалопай*. Остров Серифус представлял собой одну огромную скалу, которую римляне называли *саксум серифиум*, и использовался как своего рода большая тюрьма для изгнанников. Он представлен как некогда изобиловавший змеями, и Вергилий назвал его *serpentifera*, поскольку отрывок исправлен Скалигером.

Греки говорят, что голова Медузы была принесена Персеем; под этим подразумевается змеиное божество, поклонение которому было введено здесь людьми, называемыми пересианами. Голова Медузы символизировала божественную мудрость, и остров был посвящен змее, как явствует из его названия. Афиняне почитали *Змееносцев*, и у них была традиция, согласно которой главным стражем их Акрополя был змей.

Сообщается о богине Церере, что она назначила дракона стражем своего храма в Элевсине, а другого назначила прислуживать Эрехтею. Эгей Афинский, согласно Андриону, происходил из змеиной породы, и говорят, что первым царем страны был дракон. Другие считают Кекропса первым, кто воцарился. Говорят, что он имел двойственную природу, будучи сформированным из тела человека, смешанного с телом змеи. Диодор говорит, что афиняне сочли это обстоятельство необъяснимым; однако он пытается объяснить его, представляя Кекропса наполовину человеком, наполовину животным, потому что он принадлежал к двум разным общинам. Евстафий также пытается решить ее почти на тех же принципах и с таким же успехом. Некоторые говорили о Кекропсе, что он претерпел метаморфозу, превратившись из змеи в человека. Согласно Евстафию, под этим подразумевалось, что Кекропс, придя в Элладу, избавился от всей грубости и варварства своей страны и стал более цивилизованным и человеческим. Некоторые считают это слишком большим комплиментом для Греции в ее младенческом состоянии и сильно умаляющим характер египтян. Поэтому ученый Маршам с большой справедливостью утверждает: “более вероятно, что он привнес в Грецию вежливость своей собственной страны, чем то, что он был чем-то обязан Греции оттуда”. Что касается смешанного характера этого персонажа, мы можем легко объяснить это. Кекропс, безусловно, был титулом Божества, которому поклонялись под этой эмблемой. Нечто подобное упоминалось о Триптолеме и Эриктонии, и то же самое было сказано о Геракле. Уроженцы Фив в Беотии, подобно афинянам, считали себя представителями змеиной расы. Лакедемоняне также относили себя к тому же первоисточнику. Говорят, что в древности их город кишел змеями. То же самое говорят о городе Амиеле в Италии, который был спартанского происхождения. Они пришли сюда в таком изобилии, что жители покинули его. Аргос был заражен таким же образом, пока Апис не пришел из Египта и не поселился в этом городе. Он был пророком, предполагаемым сыном Аполлона, человеком большого мастерства и проницательности, и ему они приписывали благословение избавления своей страны от этого зла. Таким образом, аргивяне воздали должное этому воображаемому персонажу за то, что он очистил их землю от этой обиды, но выводок происходил из того самого квартала, откуда, как предполагалось, прибыл Апис. Они, несомненно, были евреями из Египта, и об этой стране рассказывают ту же историю. Представляется, что в древности он был наводнен змеями и почти обезлюдел из-за их многочисленности. Диодор Сицилийский, по-видимому, понимал это буквально, но регион, который ежегодно затоплялся, да к тому же в течение столь длительного сезона, не мог быть подвержен такому бедствию. Это были змеи другой природы, которыми она была таким

образом заражена, и история повествует о кутитах, первоначальных офитах, которые долгое время владели этой страной. Они перешли из Египта в Сирию и к Евфрату, и упоминается особая порода змей на этой реке, которые были безвредны для местных жителей, но смертельны для всех остальных. Вряд ли это можно понимать буквально, ибо какой бы мудростью ни обладал змей, ее недостаточно, чтобы провести эти различия. Эти змеи были той же природы, что птицы Диомеда и собаки в храме Вулкана; и истории повествуют об офитских жрецах, которые обычно щадили своих соплеменников и приносили в жертву чужаков - обычай, который когда-то господствовал в большинстве частей света. Говорят, что куфитские жрецы были очень образованными; и, поскольку они были офитами, говорили, что тот, кто пользовался их знаниями, был обучен змеями.

Поскольку поклонение змею в древности было так широко распространено, многие места, а также люди получили оттуда свои названия. Тех, кто поселился в Кампании, называли Опичи, которые некоторые изменили бы на Офичи, потому что они были названы от змеи. На самом деле оба названия имеют один и тот же смысл и обозначают происхождение народа.

Мы встречаемся с местами, называемыми Описи, Офис, Офитея, Офиония, Офиоесса, Змееносцы и Змееносца. Это последнее было древним названием, которым, согласно Стефану, отличались острова Родос, Синф, Бесбикус, Тенос и весь Африканский континент. Были также города с таким названием. Добавьте к этим местам названия Обоф, Обона, и наоборот, Оноба, от Об, что имело тот же смысл.

Клеменс Александрийский говорит, что термин "Ева" означал змею, если произносить его с надлежащим придыханием, и Епифаний говорит то же самое. Мы находим, что существовали места с таким названием. В Аркадии был город Ева, а другой - в Македонии. Там также была гора Ева, или Эван, на которую обратил внимание Павсаний, между которой и Итомом лежал город Мессена. Он упоминает также Еву в Арголиде и говорит о ней как о большом городе. Другое название змеи, которого мы еще не заметили, было Патан, или Питан. Многие места в разных частях были названы этим термином. Среди прочих был город в Лаконии и еще один в Мизии, который Стефан называет городом Эолии. Несомненно, они были названы так из-за поклонения змею Питану и, вероятно, имели Драконтии, которые были фигурами и приспособлениями, относящимися к господствовавшей религии. Овидий упоминает последний город и имеет некоторые отсылки к его древней истории, когда описывает Медею, летящую по воздуху из Атеи в Колхиду. Город располагался на развалинах Евы, или Эвана, которые греки называли Эвенус. Согласно Страбону, он состоит из Эва-Айн, источника или реки Евы-змеи.

Примечательно, что опичи, которые, как говорят, были названы по имени змей, носили также имя питаната; по крайней мере, так называлась одна часть этого семейства. Питанате - термин того же значения, что и Опичи, и относится к приверженцам Питана, змеиного божества, которому поклонялся этот народ. Менелая в древности звали Питанатом, как мы узнаем от Исихия, и причина этого может быть известна из того, что он был спартанцем, под которым подразумевался один из *Serpentigenae*, или офитов. Поэтому он был изображен со змеей в качестве герба на своем щите. Говорят, что бригада, или часть пехоты, у некоторых греков называлась Питанатами, и солдаты вследствие этого должны были называться Питанатами, несомненно, потому, что у них был Питан, или змея, на знамени. Аналогично этому, у других народов были солдаты, называемые Драконариями. В большинстве стран военный штандарт был эмблемой Божества, которому там поклонялись.

То, что уже было сказано, пролило некоторый свет на историю этого первобытного идолопоклонства, и мы показали, что где бы ни обосновалась любая из этих офитских колоний, они оставили после себя от своих обрядов и институтов, а также от названий, которые они завещали местам, обширные памятники, по которым их можно четко проследить.

ГЛАВА II.

Предполагаемое фаллическое происхождение змеепоклонства—Идея жизни—Поклонение принципу зарождения—Змея как символ фаллоса—Фаллическое поклонение в Бенаресе—Змей и Махадео—Фестиваль “Наг панчами”—Змеи и женщины—Следы фаллического поклонения на скале Кумаон—знаки-Северные луковичные камни—Профессор Стивенс о Змее как символе фаллоса— “Дионисийский миф”—Браун о Змее как фаллической эмблеме—Мифология арийской нации—Сэр Г. У. Кокс и фаллическая теория —Афинская мифология.

Некоторые люди склонны приписывать Змее, как религиозной эмблеме, явно фаллическое происхождение. М-р К. С. Уэйк придерживается противоположной точки зрения и говорит: “Насколько я могу понять, символ змеи не имеет прямого фаллического отношения, и его атрибут мудрости не является самым существенным. Идея, наиболее тесно связанная с этим животным, была идеей жизни, не просто существующей, но продолжающейся и, вероятно, вечной. Таким образом, змея *Бай* изображалась как Страж дверей египетских гробниц, которые представляли собой небесные обители. Священный змей, по-видимому, хранился во всех египетских храмах, и нам говорят, что многие предметы, в частности, в гробницах царей в Фивах, показывают, какое значение, как считалось, он будет иметь в будущем государстве. Короны, сделанные из Аспида или священного *Термутиса*, вручались правителям и божествам, особенно Исиде, и они, без сомнения, должны были символизировать вечную жизнь. Исида была богиней жизни и исцеления, и змей, очевидно, принадлежал ей в этом образе, поскольку он был символом и других божеств с подобными атрибутами. Так, на папирусах он окружает фигуру Гарпократа, который отождествлялся с Эскулапом; в то время как в великом храме Сераписа не только поддерживали жизнь огромного змея, но и на более поздних памятниках этот бог представлен огромным змеем с человеческой головой или без нее. Мистер Фергюссон, в соответствии со своей своеобразной теорией о происхождении культа змей, считает, что это суеверие характеризовало древнюю туранскую (или, скорее, скажем, аккадскую) империю Халдея, в то время как поклонение деревьям было более характерной чертой более поздней Ассирийской империи. Это мнение, без сомнения, верно, и оно действительно означает, что у более древней расы была та форма веры, с которой змей всегда был косвенно связан — поклонение мужскому принципу зарождения, главной фазой которого, вероятно, было поклонение предкам, в то время как последняя раса поклонялась женскому принципу, символизируемому священным деревом, ассирийской ‘рощей’. Однако ‘дерево жизни’,

несомненно, имело отношение к мужскому элементу, и мы вполне можем предположить, что первоначально только плод рассматривался как символ противоположного элемента”.

Мистер Дж. Х. Риветт-Карнак в своей статье, напечатанной в журнале Азиатского общества Бенгалии, озаглавленной “Символ змеи в Индии”, предполагает, что змея является символом фаллоса. Он говорит: “Змей появляется на доисторических кромлехах и менгирах Европы, на которых, я полагаю, можно проследить остатки фаллического культа. То небольшое внимание, которое я смог уделить символу змеи, было в основном связано с его связью с поклонением Махадео или Шиве, с целью выяснить, можно ли считать поклонение змее и поклонение Махадео или фаллосу идентичными, и можно ли доказать, что присутствие змеи на доисторических останках Европы подтверждает мою теорию о том, что знаки на кромлехах и менгирах действительно являются следами этой формы поклонения, принесенной в Европу с Востока племенами, останки которых захоронены под курганами.

Во время моих визитов в Бенарес, главный центр поклонения Шиве в Индии, я всегда тщательно искал символ змеи. На самых обычных изображениях “Махадео”, грубом камне, поставленном торчком и предположительно символизирующем фаллос, змея обычно не видна. Но в храмах и в лучших святилищах, которыми изобилует город и окрестности, змея обычно обвивается вокруг фаллоса. Хвост змеи иногда опускают по *Йони*, и в одном случае я нашел двух змей на алтаре, изображенных таким образом.

Однажды на базаре Бенареса я наткнулся на великолепную металлическую кобру с поднятой головой и расширенным капюшоном, сделанную так, чтобы ее можно было разместить вокруг каменного или металлического “Махадео” или поверх него. Сейчас это в Англии. Поза кобры при возбуждении и вытягивание головы укажут на причину, по которой эта змея олицетворяет Махадео и фаллос.

Хотя нельзя сказать, что присутствие змеи на этих моделях что-то доказывает, и хотя из-за легкой адаптации ее формы змея, должно быть, всегда была излюбленным предметом украшения, все же можно увидеть, что змея выделяется в связи с традиционной формой, под которой поклоняются Махадео в Бенаресе и других местах, что иногда она заменяет Лингам и что ее можно найти вплетенный почти в каждый предмет, связанный с этим культом”.

Далее тот же автор говорит: “Наг панчами, или пятый день луны в Саване, является большим праздником в городе Нагпур, и в этот день предаются большему, чем обычно, распутству. Продаются и распространяются грубые изображения змей всевозможных форм и положений, что-то вроде валентинок. Я не могу найти ни одной копии этих странных набросков, а если бы и мог, то вряд ли их можно было бы воспроизвести. Мистер Дж.У. Нилл, нынешний комиссар Нагпура, был настолько любезен, что прислал мне несколько превосходных валентинок этого класса, и сейчас я представляю их на обозрение Общества. Будет видно, что на этих картинах, некоторые из которых не лишены достоинств ни по замыслу, ни по исполнению, нет человеческих фигур. В тех набросках, которые я видел в “минувших днях”, позы женщин со змеями были описаны самым неприличным образом и не оставляли сомнений в том, что с точки зрения идеи, представленной в этих набросках, кобра рассматривалась как фаллос. На присланных сейчас photographиях змеи будут представлены в конгрессе в хорошо известной форме кадуцея эскулапа. Затем многоголовая змея, пьющая из украшенной драгоценными камнями чаши, возвращает меня к некоторым символам мистерий давно минувших дней. Змея, обвившаяся вокруг дерева, и вторая змея, приближающаяся к нему, наводят на мысль об

искушении и падении. Но я не забываю о ловушках, от которых пострадал Уилфорд, и я вполне вижу, что не исключено, что эта картина может быть сочтена не совсем индуистской по своей трактовке. Тем не менее, дерево и змея изображены на латунных моделях, прилагаемых к этой статье, и которые, как я уже показывал, можно приобрести сегодня на медном базаре в Бенаресе, за много сотен миль от Нагпура, где были нарисованы эти Валентинки.

В моей статье о знаках на камне Кумаон, помимо того, что я отметил сходство между знаками чаши в Индии и Европе, я рискнул выдвинуть теорию о том, что концентрические круги и некоторые любопытные знаки типа того, что некоторые называют “еврейской арфой”, столь распространенные в Европе, являются следами фаллического культа, перенесенного туда племенами, хозяева которых пришли в Индию, продвинулись в самые отдаленные уголки Европы и, как, по-видимому, предполагают их следы, нашли свой путь и на Американский континент. Действительно ли эти знаки когда-либо предназначались для обозначения фаллоса и Йони, всегда должно оставаться вопросом общественного мнения. Но у меня нет причин быть недовольным приемом, который эта, для многих довольно приятная теория, встретила в некоторых антикварных обществах Европы.

Никто, кто сравнит каменный Йонис из Бенареса, присланный настоящим, с гравюрами на первой странице работы о наскальных рисунках Нортумберленда и Аргайлшира, опубликованной частным образом герцогом Нортумберлендским, не станет отрицать, что существует необычайное сходство между традиционным символом современного поклонения Шиве и древними знаками на скалах, менгирах и кромлехах Нортумберленда, Шотландии, Бретани, Скандинавии и других частей Европы.

И дальнейшее изучение форм кромлехов, курганов и менгиров позволит предположить, что сами курганы были предназначены для обозначения символов Махадео и Йони, понимаемых не в непристойном смысле, а как представляющие возрождение, новую жизнь, “жизнь после смерти, жизнь вечную”, которой те, кто похоронен в курганах лицом к солнцу в его меридиане, должны были наслаждаться в загробной жизни. Профессор Стивенс, известный скандинавский антиквар, в недавнем письме ко мне говорит об этих символах следующее: “Фрагменты (бумаги), которые вы были так добры прислать мне, были очень ценными и желанными. Не может быть никаких сомнений в том, что именно в Индии мы должны искать решение многих наших сложных археологических вопросов”.

Но особенно интересна ваша статья о древних наскальных рисунках. Я полагаю, что вы совершенно правы в своих взглядах. Нет, я иду дальше. Я думаю, что северные луковичные камни объясняются тем же сочетанием. Поэтому я посылаю вам шведский археологический журнал за 1876 год, содержащий превосходную диссертацию барона Геркулиуса об этих объектах.... Вы можете ознакомиться с множеством превосходных гравюр на дереве. Я смотрю на эти вещи как на позднейшие условные сокращения Линга и Йони, жизнь вне смерти, жизнь вечную — таким образом, они являются подходящим украшением для могил усопших”.

Далее автор говорит: “Многие, кто с негодованием отвергает идею о распространенности фаллического культа среди наших далеких предков, считают, что эти символы представляют змею или солнце. Но если допустить это, то не могла ли змея, в конце концов, быть всего лишь символом фаллоса? И солнце, бодрящая сила природы, всегда, я полагаю, считалось олицетворяющим ту же идею, не обязательно непристойную, но великую тайну природы, жизнь, передаваемую из поколения в поколение, или, как выразился профессор Стивенс, “жизнь после

смерти, жизнь вечную". " Фактически, та же самая идея, которая, помимо любой непристойной концепции, заставляет сотни тысяч индусов ежедневно поклоняться грубым Махадео и Йони.

Браун в своем "Великом дионисийском мифе" говорит: "Змей имеет шесть основных точек соприкосновения с Дионисом: 1. Как символ мудрости и связанный с ней. 2.—Как солнечная эмблема. 3.—Как символ времени и вечности. 4.—Как эмблема земли, жизни. 5.-Как связанный с оплодотворяющей влагой. 6.—Как фаллическая эмблема".

Обращаясь к последнему из них, он продолжает— "Поскольку змей связан с солнцем, земная жизнь и плодородие также должны быть фаллической эмблемой и, следовательно, соответствовать культу Диониса Приаписа. Мистер Кокс после рассмотрения предмета замечает: 'Наконец, символ Фаллоса подсказал форму змеи, которая, таким образом, стала эмблемой жизни и исцеления. Вот тогда у нас есть ключ к тому поклонению дереву и змее, которое дало повод для множества остроумных предположений.' Миф о змее и дереве, как я понимаю, не исчерпывается каким-либо чисто фаллическим объяснением, но фаллический элемент, безусловно, является одной из наиболее выдающихся черт в нем, как можно было бы предположить, изучая резьбу, связанную с Вершинами Санчи и Амравати. Вместе с мистером Фергюссоном трудно поверить, что полезность и красота деревьев снискали им божественные почести. Опять же, культ Ашеры, или Роши (Исход. 34, 13; 1 Царств 17, 16; Иер. 17, 2; Михей 5, 14), по сути, был фаллическим, Ашера была Прямой. По-видимому, он также был в какой-то степени связан с этой знаменитой реликвией, медным змеем Нехуштана (2 Царств 18, 4). Дональдсон считает, что Змея является эмблемой желания. Также было высказано предположение, что это существо символизировало ощущение в целом".

Упомянутый выше сэр Г. У. Кокс в своей "Мифологии народов аргай" говорит: "Если и есть что— то более определенное, чем другое, так это то, что везде, где было обнаружено поклонение дереву и змее, были обнаружены также культы Фаллоса и Корабля, лингама и Йони в связи с поклонением солнцу. Этот факт невозможно оспорить, и никакое объяснение не может быть принято для одной части культа, которая не объясняет другую. Поэтому нет необходимости анализировать теории, которые утверждают, что видят в этом поклонение пресмыкающемуся животному или широко раскидистому дереву. Религия, основанная на поклонении ядовитой рептилии, должно быть, была религией ужаса; в самых ранних представлениях о ней, которые мы имеем, змея является символом жизни и любви. Фаллический культ ни в коем случае не является культом взрослого и ветвящегося дерева. В своей самой ранней форме символом везде был простой ставрос, или шест; и хотя этот стержень распускался в форме тирса и пастушьего посоха, тем не менее, даже в его позднейших проявлениях поклонение ограничивается небольшими кустарниками и миниатюрными растениями особого вида. Невозможно также снова оспорить тот факт, что каждая нация на том или ином этапе своей истории придавала этому культу именно то значение, которое Брахман сейчас придает Лингам и Йони. То, что евреи цеплялись за него в этом особом смысле с неистовым упорством, является горькой жалобой пророков; и распятый змей, обожаемый за свою целебную силу, стоял нетронутым в Храме, пока Езекия не убрал его и не уничтожил. Это поклонение змеям, "лишенное разума", осужденное Мудростью Соломона, вероятно, пережило даже вавилонский плен. Несомненно, он был принят христианами, которые были известны как офиты, гностики и николаиты. В афинской мифологии змей и дерево занимают особое место. Кекропс, Эрехтеус и Эрихтоний, все без исключения, имеют змеевидную форму нижней части своего тела. Священная змея Афины обитала в Акрополе, и ее оливковые деревья обеспечили ей победу в

соперничестве с Посейдоном. Целебный змей лежал у ног Асклепия, и змей кормили в его храме в Эпидавре и в других местах. То, что идеи простого ужаса и смерти, внушаемые ядовитой или сокрушающей рептилией, никогда не могли бы так полностью уступить место идеям жизни, исцеления и безопасности, достаточно очевидно; и только последние идеи ассоциируются со змеей как объектом обожания. Смертоносный зверь всегда был и остается объектом ужаса и отвращения, которое выражается в отношении Ахи, удушающей змеи, Вритры, которого Индра поражает своим безошибочным копьем, ужасного Азидахака из Авесты, Зохака, или Кусающего, из современной персидской мифологии, змей, которых Геракт душил в своей колыбели, Питона, или Фафнира, или Гренделя, или Сфинкса, которого Фибос, или Сигурд, или Беовульф, или Овидипус поражает и убивает. То, что поклонение Змею не имеет ничего общего с этими злыми зверями, совершенно ясно из всех фаллических памятников Востока или Запада. В топесах Санчи и Амравати диски, представляющие Йони, преобладают в каждой части рисунка; эмблему с безошибочной отчетливостью носит каждая женская фигура, вырезанная внутри этих дисков, в то время как над толпой, на многих дисках, видна группа женщин, руки которых покоятся на лингах, которые они поддерживают. Действительно, возможно проследить ассоциацию, которая связывает Лингам с быком в шиваизме, как обозначающую, в частности, мужскую силу, в то время как змея в джайнаизме и вишнавизме встречается с женской эмблемой, Йони. Так же и в Египте, некоторые могут различить в быке Аписе или Мневисе преобладание мужской идеи в этой стране, в то время как в Ассирии или Палестине Змей или Даймон Агатос связан с алтарем Ваала.

ГЛАВА III.

Мифология древних—Характеристики языческих божеств—Доктрина о взаимных принципах природы—Сотворение яйца—Сотворение фаллоса—Лотос—Осирис как активная, распределяющая и порождающая энергия—Гесиод и воспроизводящие силы—Рост фаллического культа.

“Сравнивая все разнообразные легенды Востока и Запада воедино, - говорит ученый автор, ” мы получаем следующую схему мифологии древних: Оно признает в качестве первичных элементов вещей два независимых принципа природы Мужского и Женского; и они в мистическом союзе, как душа и тело, составляют Великое Божество-гермафродита, ЕДИНОГО, саму вселенную, все еще состоящую из двух отдельных элементов своего состава, измененных, хотя и объединенных в одном индивидууме, все вещи которого рассматриваются лишь как части.... Если мы исследуем пантеоны древних народов, мы обнаружим, что каждый из них, несмотря на разнообразие имен, признавал одних и тех же божеств и одну и ту же систему богословия; и каким бы скромным ни казалось любое из божеств, каждое, имеющее какие-либо

претензии на древность, будет в конечном счете, если не немедленно, сведено к тому или иному из Первобытных Принципов, Великому Богу и Богине язычников”.[4]

“Мы не должны удивляться, - говорит сэр Уильям Джонс, - обнаружив при ближайшем рассмотрении, что образы всех языческих божеств, мужского и женского, переходят друг в друга и, наконец, в одно или два, поскольку представляется вполне обоснованным мнение, что целая толпа богов и богинь в древнем Риме и современных Варанах означают только Силы Природы, и главным образом силы Солнца, выражаемые различными способами и множеством причудливых имен”.

Доктрина о Взаимных принципах Природы, обозначаемых как активные и пассивные, мужские и женские и часто символизируемых Солнцем и Луной или Солнцем и Землей, была отчетливо распознана в мифологических системах Америки. Будет полезно обратить внимание *налогическое обоснование* этой доктрины и на некоторые из наиболее поразительных форм, которые она приняла в развитии человеческих идей; ибо можно с уверенностью утверждать, что в некоторых своих аспектах или модификациях она вошла в каждую религиозную систему, если, конечно, не была ядром каждой мифологии.

Идея сотворения мира, подсказанная существованием вещей, была, без сомнения, первым результатом человеческих рассуждений. Способ события, способ, которым оно было вызвано, был, в равной степени бесспорно, тем исследованием, которое затем заняло ум, и человек вывел из действий окружающей его природы свою первую теорию творения. После инкубации он увидел, как из яйца появляется живая птица - явление, которое, по его простому разумению, было не чем иным, как настоящим творением. Насколько же естественно, почти неизбежно это явление, одно из самых очевидных в природе, ассоциировалось с его представлениями о творении — творении, которое он не мог не признать, но которое не мог объяснить. Степень, в которой яйцо, воспринимаемое как символ, вошло в ранние космогонии, будет показана в другой и более подходящей связи.

Подобным же образом созидательная сила стала символизироваться в виде фаллоса, в нем была признана причина размножения, или, как это казалось первоначальному человеку, творения. Итак, египтяне, развивая эту идею, приняли скарабея как символ Первопричины, великого Единства гермафродитов, по той причине, что они верили, что это насекомое может быть как мужским, так и женским, способным к самозарождению и единичному размножению и обладающим способностью оживлять свою собственную работу.

Хорошо известно, что Нимфасе, Лотос или Водяная лилия считаются священными на всем Востоке, и различные секты этой части земного шара представляют своих божеств либо украшенными ее цветами, держащими ее как скипетр, либо восседающими на лotosовом троне или пьедестале. “Это, ” говорит Морис, “ возвышенный и священный символ, который постоянно встречается в восточной мифологии, и не без веской причины; ибо он сам по себе является прекрасным чудом и содержит в себе сокровище физических упражнений”. Причина его принятия в качестве символа объясняется мистером Пейном Найтом и представляет собой прекрасную иллюстрацию *обоснования* символизма и глубокого значения, часто скрытого за внешне незначительными эмблемами. “Это растение, ” замечает мистер Найт, “ растет в воде, и среди его широких листьев распускается цветок, в центре которого образуется семенной сосуд, имеющий форму колокольчика или перевернутого конуса и пронизанный сверху маленькими полостями или ячейками, в которых прорастают семена. Отверстие этих клеток слишком

маленькое, чтобы позволить семенам выпасть при созревании, и они прорастают в новые растения в тех местах, где они сформировались; луковица сосуда служит матрицей для питания семян до тех пор, пока они не станут достаточно большими, чтобы раскрыться и высвободиться, после чего, подобно другим водным растениям, они пускают корни везде, куда их заносит течением. Следовательно, растение, производящее само себя и прорастающее из своей собственной матрицы, не будучи возвращенным в землю, было естественным образом принято как символ производительной силы вод, над которыми действовал активный Дух Творца, давая жизнь и растительность материи. Соответственно, мы находим его применяемым во всех частях северного полушария, где существовала символическая религия, неправильно называемая идолопоклонством”.

Приведенные примеры иллюстрируют индуктивные способности, с помощью которых разум без посторонней помощи приходит к своим результатам, а также средства, с помощью которых он указывает на них в отсутствие письменного языка или языка, способного передавать абстрактные идеи. Мифологические символы всех древних народов предоставляют достаточно доказательств того, что именно таким образом они воплощали или затеняли свои представления — зародыш символической системы, которая впоследствии была распространена на каждое проявление природы и каждый атрибут Божества.

Таким образом, мы можем рационально и удовлетворительно объяснить происхождение учения о взаимных принципах. Его всеобщее признание устанавливает, что он был выведен из действия закона, столь очевидно управляющего всей одушевленной природой, — закона размножения.

В египетской мифологии Божественный Осирис почитался как активная, распределяющая или порождающая энергия и символизировался Солнцем; Исида - как земная природа, пассивный получатель, производитель; их ежегодным потомством был Гор, весеннее время года или младенческий год. Поэт Гесиод в начале своей "Теогонии" различает мужское и женское начало, или порождающие и производительные силы Природы, как Урана и Гею, Небо и Землю. Небесными эмблемами этих сил обычно были, как мы уже говорили, Солнце и Луна; земными - Огонь и Земля. Они были задуманы как Отец и Мать; и их наиболее очевидными символами, как уже упоминалось, были Фаллос и Ктейс, или Лингам и Йони Индостана.

То, что поклонение фаллосу перешло из Индии или Эфиопии в Египет, из Египта в Малую Азию и в Грецию, вызывает не столько удивление — эти народы общались друг с другом; но то, что это поклонение существовало в странах, долгое время неизвестных остальному миру, — во многих частях Америки, с которыми народы Восточного континента ранее не имели никаких сношений, — это удивительный, но хорошо засвидетельствованный факт. Когда была открыта Мексика, в городе Пануко было обнаружено, что особое поклонение фаллосу хорошо установилось, его изображение украшало храмы; в общественных местах были барельефы, которые, как и в Индии, различными способами изображали союз двух полов. В Тласкалле, другом городе Мексики, они почитали акт зачатия под объединенными символами характерных органов двух полов. Гарсиласо де ла Вега говорит, “что, согласно Бласу Валере, Бога Роскоши звали Тиазолтеули”, но некоторые авторы говорят: “это ошибка”. Одну из богинь мексиканского пантеона звали Тиазолтеотль, которую Ботурини описывает как Венеру нецеломудренную, низкую и отвратительную, иероглиф этих мужчин и женщин, которые полностью покинуты, беспорядочно смешиваются друг с другом, удовлетворяя свои звериные аппетиты, подобно

животным. Говорят, что Ботурини не совсем прав в своих представлениях о характере этой богини. Она - Чинтеотль, богиня кукурузы, в другом аспекте. Некоторые храмы Индии изобилуют скульптурными изображениями символов фаллического культа, и если мы обратимся к храмам Центральной Америки, которые во многих отношениях демонстрируют строгое соответствие с храмами Индии, мы обнаружим точно такие же символы, как по отдельности, так и в сочетании.

ГЛАВА IV.

Древние памятники Запада—Долина Миссисипи—Многочисленные земляные сооружения Западных Штатов—Теория происхождения курганов—Теория “Защиты”—Религиозная теория—Земляные сооружения “Великого змея” на Буш—Крик—“Аллигатор”, Огайо—“Крест”, округ Пикуэй—Сооружения Висконсина—Рисунки мистера Пиджинса—Значение земляных насыпей—Яйцо и примитивные представления человека—Яйцо как символ—Рождение Браммы—Аристофан и его “Комедия птиц”—Гимн Протогоны—Китайцы и Творение—Мирское или Орфическое Яйцо—Кнеф—Ответы мистера Глиддона на некоторые вопросы—Орфическая теогония и Яйцо—Великое Единство.

Древние памятники Западной части Соединенных Штатов состоят по большей части из возвышенностей и насыпей из земли и камня, возведенных с большим трудом и явным замыслом. В связи с этим, более или менее интимным, найдены различные незначительные реликвии искусства, состоящие из украшений и орудий труда многих видов, некоторые из которых сделаны из металла, но большая часть - из камня.

Эти останки разбросаны по огромной территории страны. Они находятся у истоков Аллегани, в западной части штата Нью-Йорк на востоке; и простираются оттуда на запад вдоль южного берега озера Эри, а также через Мичиган и Висконсин до Айовы и территории Небраска на западе. Некоторые древние сооружения, вероятно, относящиеся к той же системе, что и сооружения в долине Миссисипи, и возведенные теми же людьми, встречаются на реке Саскуэханна вплоть до долины Вайоминга в Пенсильвании. Строители курганов, по-видимому, обошли южную границу озера Эри и в уменьшенном количестве распространились по западной части штата Нью-Йорк, вдоль берегов озера Онтарио до реки Святого Лаврентия. Они проникли вглубь страны, на восток, до графства Онондага, где до сих пор сохранились некоторые незначительные следы их деятельности. По-видимому, это были их границы на северо-востоке. У нас нет записей об их появлении над Великими озерами. Карнер упоминает некоторые из них на берегах озера Пепин, а некоторые, как говорят, встречаются недалеко от озера Трэверс, под 46-й параллелью широты. Льюис и Кларк видели их на реке Миссури, в тысяче миль выше ее впадения в Миссисипи; также их наблюдали на Канзас и Платте и на других отдаленных западных реках. Они встречаются по всей средней полосе и распространены от долины Миссисипи до Мексиканского залива. Они выстилают берега залива

от Техаса до Флориды и в меньшем количестве простираются до Южной Каролины. Они встречаются в большом количестве в Огайо, Индиане, Иллинойсе, Висконсине, Миссури, Арканзасе, Кентукки, Теннесси, Луизиане, Миссисипи, Алабаме, Джорджии, Флориде и Техасе. В меньшем количестве они встречаются в западных частях Нью-Йорка, Пенсильвании, Вирджинии, Северной и Южной Каролине; а также в Мичигане, Айове и на мексиканской территории за Рио-Гранде-дель-Норте. Короче говоря, они занимают весь бассейн Миссисипи и ее притоков, а также плодородные равнины вдоль Мексиканского залива.

Хотя эти работы и обладают некоторыми общими чертами сходства, позволяющими установить родственное происхождение, они, тем не менее, подразделяются на три больших географических раздела, которые во многих отношениях представляют собой разительные контрасты, но при этом так постепенно сливаются друг с другом, что невозможно определить, где заканчивается один ряд и начинается другой. В регионе, граничащем с верхними озерами, в определенной степени в Мичигане, Айове и Миссури, но особенно в Висконсине, мы находим последовательность останков, совершенно необычных по своей форме и представляющих лишь слабую аналогию с любыми другими, которые мы имеем в любой части земного шара. Большая часть из них представляет собой земляные сооружения, имеющие формы зверей, птиц, рептилий и даже людей; часто они имеют гигантские размеры, образуя огромные *барельефы* на лице страны. Они очень многочисленны и в большинстве случаев встречаются в длинных и, по-видимому, зависимых ареалах. В связи с ними обнаружено множество конических насыпей и случайные короткие линии насыпей, в редких случаях образующих ограждения. Изображения этих животных в основном приурочены к Висконсину и простираются по этой территории от Форд-дю-Лак в юго-западном направлении, поднимаясь по реке Фокс и следуя общему течению рек Рок и Висконсин до Миссисипи. Они могут быть распространены гораздо шире; но только здесь их наблюдали в значительном количестве. Говорят, что в Мичигане, а также в Айове и Миссури встречаются аналогичные возвышения более или менее четких очертаний. Они представлены рассредоточенными в диапазонах, подобных зданиям современного города, и покрывающими иногда дугу во много акров.

Количество этих древних останков хорошо подсчитано, чтобы вызвать удивление, и было приведено в поддержку гипотезы о том, что большинство из них, если не все, являются естественными образованиями, “результатом разрежения”, возможно, измененными в некоторых случаях, но никогда не воздвигнутыми человеком. Конечно, такое предположение никогда не высказывалось людьми, которые наслаждались возможностью увидеть и исследовать их. Отдельные структуры земли вряд ли могли содержать более ощутимые свидетельства искусственного происхождения, чем большинство западных памятников. Доказательства в поддержку этого утверждения, вытекающие из формы, структуры, положения и содержания этих останков, в достаточной степени представлены на страницах этой работы.

Структура, а также форма и расположение большого количества земляных укреплений на Западе, и особенно в долине Сциото, ясно показывают, что они были возведены не для оборонительных целей. Небольшие размеры большинства кругов, наличие канавы внутри насыпей и тот факт, что многие из них полностью контролируются соседними высотами, - вот некоторые из обстоятельств, которые можно упомянуть в подтверждение этого вывода. Следовательно, мы должны искать тайну их происхождения в связи с обнаружением этих сооружений и в характере курганов, если таковые имеются в их стенах. И можно заметить, что именно здесь мы обнаруживаем доказательства, еще более удовлетворительные и

убедительные, чем те, которые представляются их малыми размерами и другими вышеупомянутыми обстоятельствами, что они не предназначались для защиты. Таким образом, когда мы находим ограду, содержащую несколько курганов, все из которых, как это можно продемонстрировать, были религиозными по своему назначению или каким-то образом связаны с суевериями людей, которые их построили, напрашивается вывод, что сама ограда также считалась священной и, таким образом, выделялась как “табуированная” или освященная земля — особенно там, где с первого взгляда очевидно, что она не обладает ни одним из требований военного строительства. Но не следует делать вывод, что только эти ограды, содержащие курганы, описанные здесь, были предназначены для священных целей. У нас есть основания полагать, что религиозная система строителей курганов, как и у ацтеков, оказывала на них большое, если не сказать контролирующее влияние. Насколько нам известно, их правительство, возможно, было правительством духовенства; правительством, в котором священнические и гражданские функции выполнялись совместно, и правительством достаточно могущественным, чтобы обеспечить в долине Миссисипи, как это было в Мексике, возведение многих из тех огромных памятников, которые на протяжении веков будут продолжать вызывать восхищение людей. Возможно, в специально отведенных для них местах проводились определенные суеверные церемонии, не имеющие никакого отношения к назначению курганов. Это вывод, который подтверждается каждодневными исследованиями и наблюдениями, а именно, что большинство, возможно, все земляные сооружения, не носящие явно оборонительного характера, были каким-то образом связаны с суеверными правами строителей, хотя каким образом, невозможно удовлетворительно определить и, возможно, когда-либо будет невозможно.

Безусловно, самым необычным и интересным земляным сооружением, обнаруженным на Западе, является Большой Змей, расположенный на Браш-Крик в точке, известной как “Три Развилки”, недалеко от северной границы округа Адамс, штат Огайо. Он занимает вершину высокого холма в форме полумесяца или отрога суши, возвышающегося на сто пятьдесят футов над уровнем ручья Браш-Крик, омывающего его подножие. Склон холма рядом с ручьем представляет собой отвесную каменную стену, в то время как остальные склоны быстрые, хотя и не настолько крутые, чтобы препятствовать возделыванию. Вершина холма не ровная, а слегка выпуклая и представляет собой очень ровную поверхность шириной в сто пятьдесят футов и длиной в тысячу футов от ее оконечности до того места, где она соединяется с плоскогорьем. Повторяя изгиб холма и занимая самую его вершину, изображен змей, его голова покоится у острия, а тело грациозно изгибается назад на семьсот футов, завершаясь тройным кольцом на хвосте. Вся длина, если ее расширить, составила бы не менее тысячи футов. Шея змеи вытянута и слегка изогнута, а ее пасть широко открыта, как будто она проглатывает или выбрасывает овальную фигуру, которая частично находится внутри растянутых челюстей. Этот овал образован земляной насыпью без какого-либо заметного отверстия высотой в четыре фута и имеет совершенно правильные очертания, его поперечный и сопряженный диаметры составляют сто шестьдесят и восемьдесят футов соответственно. Земля внутри овала слегка приподнята: в его центре когда-то существовало небольшое круглое возвышение из крупных, сильно обожженных камней, но они были сброшены и разбросаны каким-то невежественным посетителем, вероятно, у которого сложилось впечатление, что под ними спрятано золото. Вершина холма, внутри которого покоится эта яйцевидная фигура, по-видимому, была искусственно обтесана, чтобы соответствовать ее очертаниям, оставив вокруг себя гладкую платформу шириной в десять футов, несколько наклоненную внутрь.

По обе стороны от головы змеи тянутся два небольших треугольных возвышения высотой десять-двенадцать футов. Они невысоки и, хотя слишком отчетливы, чтобы их можно было не заметить, все же слишком сильно стерты, чтобы их можно было удовлетворительно проследить.

Изображение в виде аллигатора встречается недалеко от Грэнвилла, округ Лизинг, штат Огайо, на высоком холме или мысе; в связи с этим имеются безошибочные свидетельства наличия алтаря, аналогичного тому, что изображен на только что названном произведении. В окрестностях он известен как “Аллигатор”, и это обозначение было принято за неимением лучшего, хотя фигура имеет такое же близкое сходство с ящерицей, как и с любой другой рептилией. Он расположен поперек той точки суши, на которой происходит, головкой направлен на юго-запад. Общая длина от кончика носа, следующего за изгибом хвоста, до кончика составляет около двухсот пятидесяти футов, ширина тела - сорок футов, а длина ступней или лапиц каждой - тридцать шесть футов. Концы лап немного шире, чем остальные их части, как если бы изначально было указано на растопыренность пальцев. Некоторые части тела более возвышены, чем другие, очевидно, была предпринята попытка сохранить пропорции скопированного объекта. Очертания фигуры четко очерчены; ее средний рост составляет не менее четырех футов; в плечах она достигает шести футов в высоту. С внутренней стороны изображения находится приподнятое круглое пространство, покрытое камнями, которые были сильно обожжены. Это место получило название алтарь.

Представляется более чем вероятным, что это необычное изображение, подобное последнему описанному, возникло из суеверия его создателей. Возможно, это было высокое место, где приносились жертвы по установленным или экстраординарным поводам и где древние люди собирались, чтобы отпраздновать обряды своего неизвестного культа. Его позиция и все сопутствующие ей обстоятельства, безусловно, свидетельствуют в пользу такого вывода.

То же самое относится и к произведению в форме креста, находящемуся в аналогичном месте недалеко от деревни Тарлтон, округ Пикавей, штат Огайо. Исходя из этих предпосылок, мы, безусловно, вправе заключить, что эти несколько изображений, вероятно, имели схожий дизайн, обладали символическим значением и были заметными объектами религиозного почитания, и что в определенных случаях на алтарях внутри или рядом с ними приносились жертвы.

Единственные структуры, имеющие какую-либо аналогию с этими, находятся в Висконсине и на крайнем северо-западе. Там мы находим огромное количество насыпей, имеющих формы животных различных видов и вступающих в великое разнообразие сочетаний друг с другом, а также с коническими насыпями и линиями насыпей, которые также многочисленны. Они обычно встречаются в низких, ровных или волнистых прериях и редко на таких заметных местах, как те, что обнаружены в Огайо. Были ли они построены одними и теми же людьми с последними и имели ли общий замысел и цель, сказать не берусь, и мы не собираемся вдаваться в этот вопрос.

Интересным фактом является то, что среди изображений животных Висконсина часто встречаются конструкции в виде змей.

Несколько лет назад мистер Пиджин из Вирджинии сделал рисунки ряда из них и заявил, что недалеко от слияния собора Святого Петра с рекой Миссисипи находится большое количество курганов и памятников, состоящих: 1) из круга и квадрата в сочетании, как в Серклвилле, в

Огайо, с единственным отличием в виде большого усеченного кургана в центре квадрата, а также в центре круга с платформой вокруг его основания; 2) неподалеку — изображение гигантского животного, напоминающего лося, в длину и ширину. сто девяносто пять футов; 3-й, в той же близости, большой конический курган, триста футов в диаметре у основания и тридцать футов в высоту, его вершина покрыта древесным углем. Этот курган был окружен ста двадцатью курганами поменьше, расположенными в форме круга. В двенадцати милях к западу от них, в пределах видимости, находился большой конический усеченный курган, шестьдесят футов в диаметре у основания и восемнадцать футов высотой, построенный на приподнятой платформе или дне. Он был окружен кругом в триста шестьдесят пять футов в окружности. По этому кругу тройным кольцом была обвита насыпь в виде змеи длиной две тысячи триста десять футов. Этот выступ в центре тела имел восемнадцать футов в диаметре, но пропорционально уменьшался к голове и хвосту. Высота головы составляла четыре фута, туловища - шесть футов, хвоста - два фута. Центральный курган был покрыт голубой глиной, под которой лежал песок, смешанный с древесным углем и золой.

Курганы, расположенные в форме змеевика, также были обнаружены в Айове, в месте, ранее известном как Прери-Ла-Порт, впоследствии получившем название Готтенбург. Также в месте в семи милях к северу от них, на реке Турки, где хребет достигал двух с половиной миль в длину, насыпи встречались через равные промежутки времени. В двадцати милях к западу от этой местности находилось изображение огромной змеи с изображением черепахи перед пастью. Было обнаружено, что это сооружение имеет тысячу четыре фута в длину, восемнадцать футов в ширину в самой широкой части и шесть футов в высоту; черепаха была восемнадцать на двенадцать футов.

Мистер Пиджин рассказал о многих других сооружениях, стремясь проиллюстрировать и подтвердить мнения, высказанные относительно религиозного и символического характера и конструкции многих, если не всех, наиболее регулярных земляных работ Западных Штатов. В тридцати милях к западу от Прери-дю-Шьен он обнаружил круг, заключающий в себе пятиугольник, который, в свою очередь, заключал в себе другой круг, внутри которого находился конический усеченный холм. Внешний круг имел в окружности тысячу двести футов, насыпь - двенадцать футов в ширину и от трех до пяти футов в высоту. Вход находился с востока. Курган имел тридцать шесть футов в диаметре и двенадцать футов в высоту. Его вершина была сложена из белой трубчатой глины, под которой было найдено большое количество слюды в виде листов. На нем были обильные следы пожара.

В четырех милях от этого места, в низинах реки Кикапу, мистер Пиджин обнаружил холм с восемью расходящимися точками, несомненно, предназначенный для изображения Солнца. Он был шестидесяти футов в диаметре у основания и трех футов в высоту. Острия выступали наружу примерно на девять футов. Вокруг этого холма были расположены пять насыпей в форме полумесяца, образующих круг. Многие аналогичные структуры были обнаружены и в других местах, как в Висконсине, так и в Айове. В Кэппил-Блаффс, на реке Миссисипи, был найден конический усеченный курган, окруженный девятью расходящимися изображениями людей, головы которых направлены внутрь.

Вероятно, никто не будет колебаться, приписывая только что описанному произведению какое-то экстраординарное значение. Его нельзя считать порождением праздной фантазии или дикой прихоти. Его расположение и гармония структуры свидетельствуют о замысле, и кажется, что он

был начат и закончен в соответствии со зрелым планом, а не был результатом последовательных и бессмысленных комбинаций. Вероятно, это произведение не предназначено для защиты, поскольку защищать здесь нечего; напротив, по форме и позе это четкое и безошибочное изображение змеи с разинутыми челюстями в процессе заглатывания или выбрасывания овальной фигуры, которую по аналогии можно отличить от яйца. Предполагая, что все сооружение имеет религиозное происхождение, его можно рассматривать только как признанный символ какой-то великой мифологической идеи. Какая абстрактная концепция была воплощена таким образом; или какое обширное событие обычно отмечалось таким образом, у нас нет определенных средств узнать! Аналогия, однако, хотя к ней слишком часто прибегают по тривиальным основаниям, дает нам проблески света, большей или меньшей устойчивости, когда мы обращаемся к ней за помощью по каждому вопросу, связанному с верованиями человека. Теперь мы переходим к выяснению, какой свет разум и аналогия проливают на необычную структуру, находящуюся перед нами.

Естественно и почти по необходимости яйцо стало ассоциироваться с примитивным представлением человека о сотворении мира. Он точно символизировал то изначальное, неподвижное состояние вещей, которое предшествовало их оживлению и активности — неодоушевленный хаос, предшествовавший зарождению жизни, когда “земля была безформы и пустоты, и тьма была на лице бездны”. Таким оно было воспринято в ранних космогониях, во всех из которых оживление Земного Яйца составляло акт творения; из него возник мир, блистающий славой и изобилующий жизнью.

Фабер говорит— “Древние язычники почти в каждой части земного шара имели обыкновение символизировать мир Яйцом. Поэтому этот символ введен в космогонии почти всех народов, и даже среди тех, кто не изучал мифологию, найдется немного людей, которым Обычное Яйцо не знакомо в совершенстве. Он использовался не только для представления земли, но и Вселенной в ее наибольшем объеме”.^[5]

“Мир, ” говорит Мену, “ был сплошным мраком, неразличимым, неразличимо пребывающим в глубоком сне, пока Самосуший, Невидимый Бог (Брахма), проявив его с помощью пяти элементов и других великолепных форм, полностью не рассеял мрак. Желая возродить существа эманацией своей собственной сущности, он сначала создал воды и придал им силу движения; этой силой было произведено золотое яйцо, сверкающее, как тысяча звезд, в котором родился Брахма, великий родитель национальных существ, то, что является невидимой причиной, самосуществующей, но не воспринимаемой. Это божество, пребывавшее в Яйце в течение многих вращающихся лет, само медитировало на себя, разделенное на две равные части, и из этих половинок оно образовало небеса и землю, поместив посередине тонкий эфир, восемь точек света и постоянное вместилище вод”.

Приведенное выше является переводом Мориса. Сэр Уильям Джонс передает это так: “Единственная, самосушая сила, пожелав произвести различные существа из своей собственной божественной субстанции, сначала мыслью создала воды и поместила в них плодотворное семя. Это семя превратилось в яйцо, яркое, как золото, сияющее, как светило, тысячей лучей, и в этом яйце родился сам Брахма, великий праотец всех духов”.

Считается, что Аристофан в своей Комедии о птицах изложил представления о космогонии, древние даже в его дни. “Сначала существовали Хаос, Ночь, черный Эреб и обширный Тартар: не было ни земли, ни воздуха, ни небес; но в недрах Эреба чернокрылая Ночь произвела на свет

Воздушное Яйцо, из которого родилась Любовь с золотыми пальцами (Фанес), и он, Великий Всеобщий Отец, породил нашу расу из темного Хаоса, посреди широко раскинувшегося Тартара, и призвал нас к свету”.

Мы находим эту концепцию ясно воплощенной в одном из орфических фрагментов, Гимне Протогонесу, который эквивалентен Фанесу, Подателю Жизни, Приапу или Производителю.

“Я взываю к тебе, о Протогоны, двоякий, великий, странствующий в эфире;
Рожденный из яйца, радующийся своим золотым крыльям;
Бычий лик, Порождающий благословенных и смертных людей;
Широко известный Свет, далеко прославленный Эрикапей;
Невыразимая, оккультная, стремительная, сверкающая сила;
Тот, Кто рассеивает сумеречное облако тьмы с глаз,
И странствует по миру в полете твоих крыльев,
Порождая сверкающее и всеобъемлющее чистый свет; посему я призываю тебя, как Фанеса,
Как царя Приапа и как темноликое великолепие, -
Приди, ты, благословенное существо, полное Метис (мудрости) и порождения, приди в радости
К твоим священным, постоянно меняющимся тайнам”.

Согласно этим древним представлениям, яйцо представляет собой простое Бытие; Хаос, великую пустоту, из которой по воле высшего Единства исходит порождающее или созидательное влияние, обозначаемое у греков как “Фанес”, “Любовь с золотыми перьями”, “Всеобщий Отец”, “Протогоны, рожденные из Яйца” (последний Зевс или Юпитер); в Индии как “Брахма”, “Великий Родитель Разумных Созданий”, “Отец Вселенной”; а в Египте как “Пта”, “Всеобщий Творец”.

Китайцы, религиозные представления которых в целом соответствуют представлениям Индии, придерживались сходных представлений о происхождении вещей. Они утверждали, что Хаос до сотворения мира существовал в форме огромного яйца, в котором содержались принципы всего сущего. Его оживление, среди них, также составляло акт творения.

Согласно этому и другим авторитетным источникам, оживление Земного Яйца аллегорически представлено в храме Дайбод в Японии в виде откладного яйца, которое изображено плавающим в водном пространстве, о которое ударяет своими рогами бык (повсеместно являющийся символом воспроизводящей энергии и щедрого тепла - Солнца).

“Недалеко от Лемиссо, на острове Кипр, до сих пор можно увидеть гигантскую вазу яйцевидной формы, которая, как предполагается, представляет Земное или Орфическое Яйцо. Он сделан из камня и имеет тридцать футов в окружности. С одной стороны, в полукруглой нише, изваян бык, эмблема продуктивной энергии. Предполагается, что эта фигура обозначает созвездие Тельца, “Звезды изобилия”, с гелиакическим или космическим восходом которого было связано возвращение мистического оживляющего принципа животной плодовитости”.^[6]

В вышеупомянутых мнениях участвовали многие другие народы древнего мира, египтяне, ассирийцы, финикийцы и индо-скифские народы Европы. По словам Мориса, они не только подтвердили уместность аллегории, исходя из совершенства ее внешней формы, но и причудливо расширили аллюзию на ее внутреннюю композицию, сравнив белоснежную скорлупу с прекрасными небесными просторами; текучий, прозрачный белый цвет - с окружающим воздухом, а более плотный желток - с центром земли.

Даже полинезийцы придерживались тех же общих представлений. Традиция жителей Сандвичевых островов гласит, что птица (у них это эмблема Божества) снесла яйцо в воду, которая вырвалась сама по себе и породила Острова.

Великий гемафродитный первопринцип в его характере Единства, Верховная Монада, высочайшая концепция Божественности у египтян называлась Кнеф или Кнуфис. Согласно Плутарху, этот бог был без начала и без конца, Единый, нетварный и вечный, превыше всего и все постигающий. И как Брахма, “Самосущее Нетленное” Единство индусов, направляя Свою энергичную волю на просторы хаоса, “мыслью” (скажем, Меню) произвел “золотое яйцо, сверкающее, как тысяча звезд”, из которого произошел Брахма, Творец; так и, согласно мистагогам, Кнеф, Единство Египта, был представлен в виде змеи, выбрасывающей изо рта яйцо, из которого исходит божественность *Пхт*, активная творческая сила, эквивалентная по всем своим атрибутам индийскому Брахме.

Хорошо известно, что древние египтяне символизировали Кнеф в виде змеи. Однако не так хорошо установлено, что акт творения был аллегорически представлен в Египте символическим змеем, выбрасывающим изо рта яйцо, хотя в этом факте, по-видимому, не сомневались различные авторы, которые до сих пор писали о космогонии и мифологии примитивных народов Востока. С целью выяснить, какой новый свет пролили на этот предмет исследования неутомимого Шампольона и его последователей, чьи изыскания среди памятников и летописей Древнего Египта принесли самые замечательные результаты, следующие запросы были адресованы мистеру Г. Р. Глиддону (консулу США в Каире), джентльмену, известному своим знакомством с египетской наукой и его рвением в распространении информации по слишком малоизученному предмету:

“Встречаются ли змея и яйцо, по отдельности или в сочетании, среди египетских символов, и если встречаются, то какое значение, по-видимому, им придавалось? Был ли змей каким-либо образом связан с поклонением солнцу или родственным ему поклонением Фаллосу?”

На эти расспросы мистер Глиддон ответил следующим образом: “Что касается вашего первого вопроса, я сразу же признаю, что общий взгляд на греко-римскую древность, восточные традиции, собранные, часто без разбора, Отцами Церкви, и единодушные мнения всех западных мифологов, приписывают египтянам составной символ Змеи в сочетании с Земным Яйцом. Современная критика, однако, в сочетании с применением тестов, предложенных Шампольоном ле Женем и его последователями с 1827 года к египетским иероглифам, распознала так много экзотических басен и такое реальное невежество в египтологии в рассказах об этой мистифицированной стране, дошедших до нас из школ Александрии и Византии, что в настоящее время наука с сомнением движется вперед, хотя всего несколько лет назад было модно делать самые огульные утверждения; и теперь мы колеблемся, прежде чем квалифицировать как египетские по происхождению идеи, принадлежащие мифологиям других восточных народов. нации. Классические авторитеты, достаточно корректные при рассмотрении философии и спекулятивных теорий Птолемея и римской Александрии, как правило, ошибаются в вопросах, относящихся к предшествующим временам или эпохе фараонов. Все, что мы узнаем через посредство александрийцев, и особенно через их преемников, гностиков, должно быть воспринято археологом с подозрением.

После этого вы не удивитесь, если я выскажу сомнения относительно существования мифа о Змее и Яйце в Космогонии ранних египтян. Прискорбно, что из-за двадцати столетий

разрушений, столь чудовищно произведенных Мохаммедом Али, у нас по сей день нет и десятой доли памятников или папирусов, завещанных потомкам гением записи Химе. Вполне возможно, что этот миф содержался в огромном количестве иероглифической литературы, ныне утраченной для нас. Но тот факт, что ни в одном из мириадов дошедших до нас письменных или скульптурных документов символ Змеи и Яйца не встречается, препятствует предположению об этом, возможно финикийском мифе, как о изначально египетском. “Поклонение Змею, - замечает Ампер, - офитами, безусловно, может иметь реальную связь с выбором египетского символа, которым обозначается Божество на рисунках и иероглифах, и которым является Змей Урей (царственный Василиск у греков, серафим, созданный Моисеем. Се Раф - это единственное число от серафима, означающее семитское “великолепие”, “огонь”, “свет”; символ огненного диска солнца, который под именем Нехуштан — “Змей—Дракон” - был разрушен реформатором Езекией. 2 Царств, 18, 4); или со змеем с крыльями и лапами, которого мы видим представленным в погребальных ритуалах; но змей присутствует повсюду в мифологиях и космогониях Востока, и мы не можем быть уверены, что змея Офитов (в большей степени, чем та, что выпускает или окружает Обычное Яйцо) была египетской, а не еврейской, персидской или индоостанской”.

“Никакие змеи, обнаруженные в иероглифах, не имеют, насколько я могу судить, никакого прямого отношения к Мифу об Уине, равно как и египетские Яйца не имеют прямого отношения к Космогоническому Змею. Яйцо, при определенных условиях, по-видимому, обозначает идею человеческого тела. Он также используется как фонетический знак S и в сочетании с T является определяющим для женского рода; исключительно в этом смысле его иногда помещают рядом со змеей в иероглифических легендах”.

“Мои сомнения применимы при попытке дать конкретный ответ на ваш конкретный вопрос; *то есть* прямой связи в египетской мифологии Змеи и Космогонического Яйца. В “Книге мертвых”, согласно переводу мисс, предоставленному мне эрудированным египтологом мистером Берчем из Британского музея, содержится намек на “великое земное яйцо”, к которому обратился умерший, что, по—видимому, относится к ветрам или атмосфере - и снова умерший восклицает: “Я воскрес в виде большого Ястреба, который выходит из Яйца (*то есть* Солнца)”.

“Я не вижу здесь никакого прямого намека на двойную эмблему яйца в сочетании со змеей, предмет вашего запроса.

Однако следует сделать оговорку в пользу вашей очень последовательной гипотезы — поддерживаемой, насколько я допускаю, всеми восточными и классическими авторитетами, если, возможно, не египетскими документами, которые еще не расшифрованы, — которая является евклидовой. ‘Вещи, равные одному и тому же, равны друг другу’. Теперь, если “Земное яйцо” в папирусных ритуалах эквивалентно Солнцу и что другими иероглифическими текстами мы доказываем, что Солнце в Египте, как и везде, символизируется фигурой Змеи, не сводит ли ‘ultima ratio’ обе эмблемы в одну? Ваше понимание этого Вопроса Старого и Нового Света делает излишним, что я должен сейчас излагать силлогизм. Я довольствуюсь тем, что отсылаю вас к лучшим авторитетам. Только один момент - это то, что я рискнул бы предложить вашей философской проницательности в отношении древних “параллелизмов” между метафизическими концепциями радикально отличающихся наций (если вам угодно, “видов” человечества, находящихся в географически разных центрах *происхождения*, вынужденных по

необходимости в эпохи, предшествующие алфавитной записи, выражать свои идеи картинками, образными или символическими). Дело в том, что человеческий разум всегда и везде воспринимал одним и тем же методом все, что относится к нему; потому что неспособность, которой ограничен его интеллект, представить своему мысленному взору существование, отличное от его собственного, вынуждает его в живописном или скульптурном изложении своих мыслей придерживаться того же круга идей; и, следовательно, образный представитель его идей всегда, во все века и страны, должен быть отражением одних и тех же гипотез, материальных или физических. Не могла ли эмблема Змеи и Яйца, как в Новом, так и в Старом Свете, возникнуть из аналогичного органического закона, не устанавливая тем самым связи? Разве ваш змей не “гремучая змея” и, следовательно, чисто американская? Разве египетские змеи не все чисто нилотские? Метафизическая идея Космогонического Змея может быть одной и той же; но разве зоологическое разнообразие представлений не доказывает, что Америка три тысячи лет назад не могла иметь никаких сношений с Египтом, Финикией или наоборот?

Поскольку змеям и яйцам в египетских иероглифах придается только такое значение, трудно предположить, существовало ли эзотерическое значение между этими эмблемами в неизвестной нам Космогонии Фиванского и Мемфисского колледжей. Я тоже мог бы сделать выводы и провести аналогии между атрибутами Бога Кнуфиса, или Бога Пты, и “Земным яйцом”, описанным Евсевием, Ямвлихом и множеством классических авторитетов, но, боюсь, без очень удовлетворительного результата. Однако следует отдать должное г-ну Бономи за то, что он процитировал его высказывания по этому вопросу. Говоря о колоссальной статуе Рамзеса Сесостриса в Метрахени, в статье, прочитанной в Королевском литературном обществе, Лондон, июнь 1845 г., он отмечает: “Есть еще одно соображение, связанное с иероглифами большого овала пояса, хотя и не влияющее на предыдущий аргумент; это овал или яйцо, которое находится между фигурой Пты и посохом, обычное значение которого - Сын или Младенец, но которое имеет своего рода двоякое значение, распространенное в деталях скульптуры этого периода (скажем, 18-й или 19-й династии). 1500 или 1200 гг. до н.э.), я склонен полагать, относится также к мифу или доктрине, сохранившейся в трудах греческих авторов, как принадлежащей Вулкану и, как говорят, происходящей из Египта, а именно, к доктрине о Земном Яйце. Итак, хотя ни в одной египетской скульптуре отдаленного периода этой статуи не было найдено ни малейшего намека на это учение, наиболее отчетливо на него намекают в одной из работ эпохи Птолемеев; и я склонен думать, что оно было импортировано с Востока Сесострисом, где, в подтверждение его существования в очень отдаленный период, оно было завезено с Востока. Я бы упомянул о существовании этих яйцевидных базальтовых камней, украшенных различными приспособлениями и покрытых клинописными надписями, которые привозят из некоторых древних городов Месопотамии.

Что касается вашего последнего вопроса, могу заметить, что я не могу извлечь из иероглифов ничего, что могло бы напрямую связать фаллическое поклонение с солярной эмблемой Змеи. В семитских языках один и тот же корень означает Змею и Фаллос; оба в разных смыслах являются солнечными эмблемами”.

В орфической теогонии аналогичное происхождение приписывается яйцу, из которого происходят “рожденные из яйца протогоны”, греческий аналог египетского Phtha. Яйцо в данном случае также происходит от выдающегося Единства, Бога-Змея, “Несравненного Крона”, или Геркулеса. (Брайант, цитируя Афинагора, замечает: “Геракл почитался главным

богом, таким же, как Кронос, и, как говорили, произвел на свет Земное Яйцо. В орфической теологии Он представлен под смешанным символом льва и змеи, а иногда и только змеи”.)

Первоначально Кронос почитался Всевышним, о чем свидетельствует то, что его звали Ил или Илус, что совпадает с еврейским El и, согласно святому Иерониму, является одним из десяти имен Бога. Дамаский в "Жизни Исидора" отчетливо упоминает, что Кроносу поклонялись под именем Эл, у которого, согласно Санхониатону, не было никого выше или предшествовавшего ему.

Брахма, Кронос и Кнеф представляли мистический союз взаимного, или активного, и пассивного принципов. Большинство, если не все, первобытных народов признавали это Высшее Единство, хотя не все они присваивали ему имя. Он был Создателем Богов, которые были Демиургами Вселенной, создателями всех разумных существ, ангелов и людей, а также архитекторами мира.

Ранние авторы истощали язык в попытках выразить возвышенный характер и атрибуты, а также превосходную силу и достоинство этого великого Единства, высшей концепции, на которую способен человек. В священной книге индусов о Нем говорится как о “Всемогущем, бесконечном, вечном, непостижимом, самосущем Существо; тот, кто видит все, хотя никогда не видел; тот, кого невозможно описать; тот, из кого исходит вселенная; тот, кто правит всевышним, светом всех огней; чья мощь слишком безгранична, чтобы ее можно было представить; это Брахма, Единое Существо, Истинное и Непознанное”.^[7]

Верховный Бог Богов индусов реже выражался именем Брахма, чем мистическим слогом О'М, который соответствовал еврейскому "Иегова". Каким бы странным ни показалось это замечание большинству умов, тем не менее верно, что фундаментальными принципами индуистской религии были принципы чистого монотеизма, поклонения одному верховному и единственному Богу. Брама считался слишком могущественным, чтобы носить его имя; и, хотя его символическим или персонифицированным атрибутам поклонялись в великолепных храмах, ни один из них не был возведен в его честь. Самый священный стих Вед перефразируется следующим образом:

“Совершенная истина; совершенное счастье; не имеющий равных; бессмертный; абсолютное единство; которого ни речь не может описать, ни разум постичь; всепроникающий; превосходящий все; восхищенный своим собственным безграничным разумом, не ограниченный пространством или временем; без ног, быстро передвигающийся; без рук, охватывающий все миры; без ушей, всеслышащий, понимающий все; беспричинный, первая из всех причин; всеправящий; всемогущий; создатель, Хранитель и Преобразователь всего сущего; таков Великий, Брахма”.

Характер и могущество Кнефа описаны в терминах не менее возвышенных и всеобъемлющих, чем те, которые применяются ко всемогущему Брахме. В древних герметических книгах Он описывается как “первый Бог, неподвижный в уединении своего Единства, источник всех вещей, корень всех первичных, умопостигаемых существующих форм, Бог Богов, предшествующий эфирным и эмпирейским Богам и небожителям”.

В Америке это великое Единство, этот Бог Богов, был в равной степени признан. В Мексике как Теотль, “тот, кто весь в себе” (Tloque Nahuaque); в Перу как Варикоча, “Душа Вселенной”; в Центральной Америке и на Юкатане как Стунах Ку или Хунаб Ку, “Бог Богов, бестелесное начало

всех вещей”. И как Верховному Брахме индусов, “чье имя было невыразимо”, не поклонялись ни в какой внешней форме, и ему не воздвигали ни храмов, ни алтарей, так и Верховный Теотль и соответствующие ему Варикоча и Хунаб Ку, “чьи имена, - говорят испанские завоеватели, - произносились только с крайним ужасом”, не имели изображения или внешней формы поклонения по той причине, согласно тем же авторитетам, что каждый из них считался Невидимым и Неизвестным Богом.

Земное яйцо, воспринимаемое как символ изначальной, пассивной, неорганизованной, бесформенной природы, стало ассоциироваться, в соответствии с примитивными представлениями, с другими символами, обозначающими творческую силу или оживляющее влияние. Таким образом, в индуистской космогении Брахма после долгой инерции представлен как упорядочивающий пассивные элементы, “создающий мир и все видимые вещи”. В виде символического быка была представлена воспроизводящая энергия, разбивающая покоящееся яйцо. Окруженный складками агатодемона, разновидности активного начала, он был подвешен в храмах Тира. Ибо змей, как и бык, был эмблемой солнца или атрибутов этого светила — сам по себе он был небесной эмблемой “Всеобщего Отца”, воспроизводящей силы природы. “Повсюду, - говорит Фабер, - мы находим великого отца, проявляющего себя в виде змея, и везде мы находим змея, наделенного атрибутами Великого Отца и разделяющего почести, которые ему оказывались”.^[8]

Таким образом, с этой точки зрения мы можем рассматривать составной символ змеи и яйца, хотя и содержащий конкретный намек на общее творение, как иллюстрацию доктрины взаимных принципов, которая, как мы уже видели, в значительной степени входит во всю ткань первобытной философии и мифологии.

Таким образом, мы показали, что великая концепция Высшего единства и доктрина взаимных принципов существовали в Америке в четко определенной и легко узнаваемой форме.

Наше нынешнее исследование связано с символами, которыми они были представлены на обоих континентах. Можно с готовностью признать, что обычно они не были произвольными, а возникали в результате ассоциаций, обычно очевидного рода.

ГЛАВА V.

Солнце и Огонь как эмблемы—Змей и Солнце—Таут и Змей—Гораполло и символ Змеи—Санхониатон и Змей—Древние мистерии Осириса и т.д.—Обоснование связи солнечного, фаллического и змеиного поклонения—Пантеон ацтеков—Мексиканские Боги—Змея в мексиканской мифологии—Великие Отец и Мать—Кецалькоатль, Пернатый Змей—Исследования Стивенса и Катервуда—Открытия мистера Стивенса.

То, что огонь следует рассматривать как физическое воплощение того, чем солнце является небесной эмблемой, достаточно очевидно; мы можем легко понять также, почему бык, козел или баран, фаллос и другие символы должны иметь такое же значение; также то, насколько естественно, почти неизбежно и универсально солнце стало символизировать активный принцип, животворящую силу, и насколько очевидно, что яйцо символизировало пассивные элементы природы, но то, как змея как символ приобрела сходное значение с ними, не столь очевидно. Однако в том, что это было так, сомневаться не приходится, и доказательства появятся по мере того, как мы продолжим; точно так же иногда это символизировало великий первичный принцип гермафродита, Высшее Единство греков и египтян.

Хотя в целом оно не всегда символизировало солнце или силу, эмблемой которой является солнце; но, наделенное различными значениями, оно широко вошло в первобытную мифологию. Он олицетворял мудрость, силу, долговечность, принципы добра и зла, жизнь, размножение — короче говоря, в Египте, Сирии, Греции, Индии, Китае, Скандинавии, Америке, повсюду на земном шаре он был заметной эмблемой. Выражаясь несколько поэтичным языком ученого автора, “Он вошел в мифологию каждого народа, был освящен почти в каждом храме, символизировал почти каждое божество, был представлен на небесах, запечатлен на земле и правил в царствах вечной скорби”. Его всеобщее признание, по-видимому, было отмечено в очень ранний период. Он привлек внимание древних мудрецов, которые приводили множество причин для его принятия, основанных на естественной истории рептилий. Среди этих предположений нет более любопытного, чем то, которое сохранил Санхониатон, который говорит: “Таут первым приписал Змею нечто от Божественной природы, в чем ему последовали финикийцы и египтяне. Ибо это животное он считал самым одухотворенным из всех рептилий и огненной натуры, поскольку оно проявляет невероятную быстроту, двигаясь своим духом, без рук или ног, или каких-либо внешних органов, с помощью которых другие животные осуществляют свое движение; и в своем развитии оно принимает различные формы, двигаясь по спирали и устремляясь вперед с любой степенью быстроты, какую ему заблагорассудится”.

Более того, оно долгоживущее и обладает свойством не только откладывать старость и обретать вторую молодость, но и получать в то же время увеличение своих размеров и силы; и когда оно заполняет назначенную меру своего существования, оно съедает само себя, как изложил Таут в Священных Книгах, на основании чего это животное посвящается в священные обряды и мистерии.

Гораполло, ссылаясь на символ змеи, говорит о нем: “Когда египтяне хотели изобразить Вселенную, они изображали змею, покрытую пестрой чешуей, пожирающую собственный хвост, чешуя которого указывает на звезды во Вселенной. Животное чрезвычайно тяжелое, как земля, и чрезвычайно скользкое, как вода, более того, оно каждый год откладывает свою старость вместе со своей кожей, поскольку во Вселенной годовой период вызывает соответствующие изменения и обновляется, а использование собственного тела в пищу подразумевает, что все вещи, какие бы они ни были созданы божественным провидением в мире, снова подвергаются разложению”.

Нет ничего более определенного, чем то, что в очень отдаленные времена змей почитался с большим почтением как самое загадочное из живых существ. Его привычки были недостаточно поняты, и он был наделен, как мы видим из приведенных выше цитат, самыми

экстраординарными качествами. Подобно объекту страха, восхищения и удивления, неудивительно, что он рано стал связан с человеческими суевериями, но как он получил столь широкое распространение, трудно понять.

Возможно, в естественной истории змеи нет более поразительного обстоятельства, чем то, на которое ссылается Санхониатон, а именно: ежегодное сбрасывание ее кожи или предполагаемое омоложение.

“Как старый змей сбрасывает свой черный жилет,
Сверкая на солнце венками, облаченный в юношескую славу,
Так и когда смертная оболочка Алкида смирилась,
Его лучшая часть увеличилась и облагородилась”. —Овидий.

Вероятно, именно это связывало его с идеей вечной последовательности форм, постоянного воспроизводства и распада, процесса, который, как предполагали древние, всегда происходил в природе. Это учение иллюстрируется представлением о последовательности Эпох, преобладавшим у греков, соответствующим югам индусов и Солнцам коренных мексиканцев. Это дополнительно иллюстрируется ежегодным разложением и обновлением, проявляющимся в смене времен года, и которое, как предполагалось, является результатом увеличения или уменьшения активного начала, Солнца.

Мистерии Осириса, Исиды и Гора в Египте; Атиса и Кибелы во Фригии; Цереры и Прозерпины в Элевсине; Венеры и Адониса в Финикии; Боны Деи и Приапа в Риме - все они поддаются одному объяснению. Все они излагали и иллюстрировали торжественными и впечатляющими обрядами и мистическими символами грандиозные явления природы, особенно связанные с сотворением вещей и продолжением жизни. В целом, стоит отметить, что змей был представлен более или менее явно, всегда как символ бодрящей или активной энергии природы. В мистериях Цереры и Прозерпины великая тайна, сообщаемая посвященным, была загадочно выражена следующим образом: *Taurus Draconem genuit, et Taurum Draco*; “Бык породил змею, а змея - быка”. Бык, как уже было видно, был выдающейся эмблемой воспроизводящей силы, Вакхом Загреем, или Таврообразным.

Учение о бесконечной последовательности форм и отдаленно не было связано с учением о возрождении, или новом рождении, которое было частью фаллической системы и которое в той или иной форме признавалось почти во всех примитивных религиях. В Индостане эта доктрина до сих пор применяется самым недвусмысленным образом, посредством обрядов, обладающих зловещей торжественностью и значимостью для приверженцев индуистской религии. “С целью возрождения, ” говорит Уилфорд, - предполагается создать из чистого золота изображение женских сил природы в форме либо женщины, либо коровы. В этой статуе заключен человек, подлежащий регенерации, которого затем вытаскивают по обычному каналу. Поскольку статуя из чистого золота соответствующих размеров была бы слишком дорогой, достаточно сделать изображение священной Йони, через которую должен пройти возрождаемый человек”.

Мы рассматривали змею как символ продуктивной энергии, связанной с яйцом как символом пассивных элементов природы. Яйцо, однако, появляется только в более ранних космогониях. “Как змея мужского пола, - говорит Фабер, - использовалась для обозначения Великого Отца, так и змея женского пола в равной степени использовалась для обозначения Великой Матери. Такой способ представления может быть доказан прямым свидетельством и полностью

согласуется с аналогией всей системы языческой мифологии. Точно так же, как двум великим родителям поклонялись под иероглифами быка и коровы, льва и львицы и т. Д., Так и им поклонялись под родственными фигурами змеи мужского и женского пола”.

Почти каждый, кто исследовал примитивные суеверия людей, наблюдал тесную взаимосвязь, если не абсолютную идентичность, в том, что обычно различается как Поклонение Солнцу, Фаллическому Культ и Змеям, однако *рациональность* этой связи обнаруживалась редко. На самом деле все они представляют собой формы единого богослужения. “Если (что кажется несомненным) все они идентичны, - замечает м-р О'Брайен, - то почему мы должны удивляться, встретив солнце, фаллос и змею, составляющие символы каждого из них, встречающиеся в сочетании, выбитые на одном столе и сгруппированные на одном архитраве”.

Мы снова обращаемся к Америке. Главный Бог ацтеков, подчиненный великому Единству, был олицетворением активной, созидательной энергии, Тецкатлипоки или Тонакатлекоатля. Его также звали Тонакатантли.

Подобно индуистскому Брахме, греческому Фанесу и египетскому Пхте, он был “Творцом неба и земли”, “Великим Отцом”, “Богом Провидения”, который обитает на небесах, земле и в аду и управляет миром. Чтобы обозначить эту неиссякаемую силу и вечную молодость, его фигура была фигурой молодого человека. Его небесной эмблемой был Тонатиух, Солнце. Его спутницей или женой была Чихуакохуатль или Тоназачуа, “Великая Мать” как богов, так и людей.

Остальные боги и богини ацтекского пантеона превращаются в модифицированные олицетворения этих двух сил. Таким образом, у нас есть Ометуктли и Омечихуатль, обожаемые бог и богиня, которые правят небесным раем и которые, хотя обычно считаются отдельными божествами, тем не менее, согласно Ватиканскому кодексу, являются всего лишь другими именами для уже обозначенных божеств. У нас также есть Сяхтеуктли, “Хозяин года”, “Бог огня”, земной символ активного начала, и Хочитли, “Богиня Земли и Кукурузы”; Тлалок и Чинтеотль, или Чалчиукуэйдже, “бог и богиня вод”; Миктлантеуктли и Миктланчихуатль, “бог и богиня мертвых”; ужасный Мекситли или Уицлипочтли, соответствующий индуистскому Шиве, в его характере разрушителя, и его жена Теоямики, чей образ, как и образ Кали, супруги Шивы, был украшен объединенными эмблемами жизни и смерти.

В простой мифологии и чистом сабианстве Перу мы уже показали существование первобытных принципов, символизируемых: первый - Солнцем, а второй - его женой и сестрой Луной. В том, что солнце здесь рассматривалось как символ промежуточного отца, или демиургического творца, сомневаться не приходится. Великий и торжественный праздник Райми был учрежден в знак признания Солнца как великого отца всего видимого, которым зарождается и поддерживается все живое. Церемонии этого праздника были символическими и в основном относились к солнцу как воспроизводящей и сохраняющей силе природы. В Мексике, где первобытная религия разделяла более свирепую натуру людей, мы находим, что раймейские церемонии принимали кровавый характер, а признание репродуктивного начала ассоциировалось с умилованием его антагонистического принципа, как мы видим в оргиях Уицлипочтли в его образе Разрушителя. Те же замечания справедливы и в отношении Центральной Америки, религия и мифология которой в значительной степени соответствуют религии и мифологии народов Анауака.

Мы говорили, что главным богом ацтекского пантеона, подчиненным только Единству и соответствующим индуистскому Брахме, был Тецкатлипока, Тонакатлекоальт или Тонакатеуктли. Если мы обратимся к этимологии этих имен, то найдем достаточное подтверждение правильности выводов, уже сделанных из мифологий Востока. Таким образом, Тонакатеуктли воплотил Господа Солнца из Тонатиуха, Солнца, *насайо* или катл, тела или личности, и теуктли, мастера или повелителя. Опять же, Тонакатлькоатль, Змеиное Солнце, из Тонктии и катла, как указано выше, и коатль, змея. Если мы примем другую этимологию для имен (и ту, которая, по-видимому, была наиболее общепринятой ранними авторами), мы получим Tonacateuctli, Повелитель нашей Плоти, от to, притяжательное местоимение множественного числа, *nasatl*, плоть или тело, и *teuctli*, господин или повелительница. У нас также будет Тонакатлекоатль, Змея из нашей Плоти, от do и накатль, и коатль, змей.

Согласно Саагиму, мексиканский первосвященник обратился к Тецкатлипоке в его образе Бога Воинств следующим образом: “Мы умоляем, чтобы те, кто погиб на войне, были приняты тобою, нашим Отцом-Солнцем и нашей Матерью-Землей, ибо ты один правишь”. Тот же источник сообщает нам, что в благодарственной молитве, обращенной к Тецкатлипоке мексиканскими королями по случаю их коронации, Бог был признан Богом Огня, к которому Ксиуттеуктли, Повелитель Растительности и, в частности, Повелитель Огня, имеет такое же отношение, как Суйра к первому лицу индуистской Триады. Король просит разрешить ему действовать “в соответствии с волей древнего Бога, Отца всех Богов, который является Богом Огня; чье жилище находится посреди вод, окружено зубчатыми стенами, скалами, как розами, чье имя Ксиутевктли” и т.д.

Тонакатектли, или Тецкатлипока, часто, если не сказать вообще, как на памятниках, так и на картинах, изображается в окружении солнечного диска.

Имя первобытной богини, жены Тецкатлипоки, было Чихуакохуатль или Тонакачихуа. Она была хорошо известна под другими именами, все из которых относятся к ее атрибутам. Этимология *Cihuacoahuatl*, очевидно, *Cihua*, женщина или женский пол, и *coatl*, serpent-Змея женского пола. А Тонакачихуа - Женское Солнце, от Тонатиух накатль (как и раньше) и чихуа - женщина или самка. Принимая другую этимологию, это Женщина из нашей Плоти.

Гама, который считается безусловно самым умным автором, подробно описывавшим мексиканских богов, ссылаясь на символы в виде змей, принадлежащие статуе Теояомики, говорит: “Они относятся к другой Богине по имени Чиуакохуатль, или Женщине—Змее, которая, как верят мексиканцы, произвела на свет при одном рождении двух детей, одного мужского и другую женского пола, к которым они относят происхождение человечества: и, следовательно, близнецов у мексиканцев называют коуатль или коатль, что искажено в оригинале”. произношение вульгаристом на коут”.

Какую бы этимологию мы ни присвоили Тонаке в этих сочетаниях, главный факт, что Великий Отец был обозначен как мужчина-змея, а Великая Мать - как женщина-служанка, остается неизменным. Мало того, что они были обозначены таким образом, но Чинакоатль или Чиуакохуатль обычно, если не всегда, изображались на картинах в сопровождении огромного змея или змееголового змия (Тонакатлекоатль “змея-солнце”), в котором монашеские интерпретаторы не преминули обнаружить явный намек на Еву и садового искусителя.

Продолжая тему связи Символа Змеи с американской мифологией, отметим тот факт, что это был заметный символ, который не мог ускользнуть от внимания самых поверхностных наблюдателей мексиканских и центральноамериканских памятников и мифологических картин. Первые испанцы были особенно поражены его известностью.

“Змея, ” говорит Дюпэ, “ была заметным объектом в мексиканской мифологии, и мы находим ее вырезанной различных форм и размеров, свернутой, вытянутой, спиралью или очень красиво обвитой, а иногда изображаемой с перьями и другими украшениями. Эти разные представители, - продолжает он, - без сомнения, обозначали его различные атрибуты”.

Редактор великого труда Кингсборо замечает: “Подобно египетскому сфинксу, мистическая змея мексиканцев имела свои загадки, и обе разгадать выше наших сил”; это, однако, вопрос мнения, и с выводом многие категорически не согласятся.

Почти в каждой примитивной мифологии мы находим не только Великих Отца и Мать, представителей взаимных принципов, и Великое Гемафродитное Единство, от которого исходят первые и в котором они оба сочетаются, но мы находим также благотворного персонажа, имеющего божественную и человеческую природу, который является Великим Учителем людей, который наставляет их в религии, гражданской организации и искусствах, и который, прожив образцово полезную жизнь, таинственным образом исчезает, оставляя своим людям впечатление высочайшего уважения к его институтам и глубочайшего уважения к его памяти. Этот полубог, которому часто воздаются божественные почести после его ухода с земли, обычно является Сыном Солнца или Демиургического Творца, Великого Отца, который стоит во главе первобытных пантеонов и подчиняется только Высшему Единству; он рожден от земной матери, девственницы и часто весталки Солнца, которая зачинает таинственным образом и которая, родив своего полубожественного сына, сама иногда возводится в ранг богини. В более утонченных и систематизированных мифологиях он ясно предстает как воплощение Великого Отца и обладатель его атрибутов, его земной представитель и посредник между ним и человеком. Он появляется как Будда в Индии; Фохи в Китае; Шака в Тибете; Зороастра в Персии; Осирис в Египте; Таут в Финикии; Гермес или Кадм в Греции; Ромул в Риме; Один в Скандинавии; и в каждом случае его считают Великим Учителем людей и основателем религии.

В мифологических системах Америки этот промежуточный полубог был распознан не менее четко, чем в мифологических системах Старого Света; более того, поскольку эти системы были менее сложными, поскольку менее модифицировались по сравнению с первоначальными или примитивными формами, Великий Учитель предстает здесь с большей отчетливостью. Среди диких племен его происхождение и характер были, по понятным причинам, сильно запутаны; но среди более развитых народов он занимал вполне определенное положение.

Среди народов Анауака он носил имя Кецалькоатль (Пернатый змей) и пользовался величайшим почитанием. Его праздники были самыми великолепными в году. Говорят, что ему был посвящен великий храм Чолулы. Его история, почерпнутая из различных источников, такова: — Бог “Млечного Пути” — другими словами, Небес - главное божество пантеона ацтеков и Великий Отец богов и людей, послал послание девственнице из Тулана, сказав ей, что такова воля богов на то, чтобы она зачала сына, что она и сделала, не зная ни одного мужчины. Этим сыном был Кецалькоатль, который считался высоким, со светлым цветом лица, открытым лбом, большими глазами и густой бородой. Он стал верховным жрецом Тулана, ввел поклонение богам, установил законы, проявляющие глубочайшую мудрость, отрегулировал календарь и

придерживался самых строгих и образцовых манер в своей жизни. Он питал отвращение к жестокости, ненавидел войну и учил людей обрабатывать землю, извлекать металл из руд и многим другим вещам, необходимым для их благосостояния. Под его благожелательным управлением среди людей воцарилось величайшее счастье. Кукуруза выросла до таких размеров, что один початок был тяжел для человека; тыквы были длиной с человеческое туловище; не было необходимости красить хлопок, потому что он был всех цветов; все плоды были в величайшем изобилии и необычайных размеров; было также огромное количество красивых и сладко поющих птиц. Его правление было золотым веком Анауака. Однако он исчез внезапно и таинственно, каким образом, неизвестно. Некоторые говорят, что он умер на берегу моря, а другие говорят, что он ушел в поисках воображаемого королевства Тлаллапа. Он был обожествлен; в его честь были возведены храмы, и ему поклонялись по всему Анауаку.

Следовательно, Кецалькоатль - всего лишь воплощение "Змеи-Солнца" Тонакатлекоальта, и, как следует из его имени, пернатый змей был его признанным символом. Таким образом, он был символизирован в соответствии с практикой, которая (говорит Гама) преобладала в Мексике, ассоциирования с представителями бога или богини, символами других божеств, от которых они произошли, или с которыми они поддерживают некоторое отношение. Его храмы отличались круглой формой, а в тот, который был посвящен его богослужению в Мексике, по словам Гомеры, входили через дверь, "похожую на пасть змеи, которой боялись те, кто туда входил, особенно христиане, для которых она олицетворяла настоящий ад".

У майя на Юкатане был полубог, полностью соответствующий Кецалькоатлю, если только он не был тем же самым под другим именем — гипотеза, очень хорошо подтверждаемая очевидной связью между мексиканской и майянской мифологиями. Его звали Ицамна или Замна, и он был единственным сыном главного Бога Кинчанана. Он прибыл с Востока и обучал людей всему, что было необходимо для их благополучия. "Он, - говорит Коголлудо, - изобрел знаки, которые они используют как буквы и которые названы в его честь Ицамна, и они поклоняются ему как богу".

Был еще один подобный персонаж на Юкатане по имени Ку Кулкан или Кукулькан, еще один в Никарагуа по имени Теотбилаке, сын их главного бога Томатхойо, и еще один в Колумбии по имени Боциа. Перу и Гватемала имеют сходные традиции, как и Бразилия, народы таманакской расы, Флорида и различные дикие племена Запада.

Змей, как мы показываем в другом месте, был эмблемой как Кецалькоатля, так и Ку Кулкана — факт, который придает некоторое значение заявлению Кабреры о том, что Вотан из Гватемалы, как указано выше, был представлен как змей или змеиногo происхождения.

Торквемада утверждает, что изображения мексиканца Уицлипочтли, Кецалькоатля и Тлалока были представлены с золотой змеей, несущей различные символические жертвенные намеки. Он также уверяет нас, что змеи часто использовались в символических церемониях жертвоприношения мексиканцев, и приводит следующий пример: —

Среди множества жертвоприношений, которые совершали эти индейцы, было одно, которое они совершали в честь гор, формируя змей из дерева или из корней деревьев, к которым они прикрепляли змеиные головы, а также кукол из того же материала, которые они называли Экатотовин, фигурки змей и вымышленных детей они покрывали тестом, называемым ими Тзоалли, состоящим из семян бледоса, и помещали их на деревянные подставки, вырезанные в

виде холмов или гор, на вершинах которых они их закрепляли. Это было своего рода подношение, которое они приносили горам и высоким холмам”.

Матерью Уицлипочтли была жрица Тецкатлипоки (очистительница храма, говорит Гама) по имени Коатлантона, Коатлкуэ или Коатлкьюэ (змея храма или женщина-змея). Она была чрезвычайно предана богам, и однажды, прогуливаясь по храму, она увидела спускающийся по воздуху шар, сделанный из разноцветных перьев. Она прикрепила его к своему поясу, сразу же забеременела, а затем родила Мексита, или Уицлипочтли, в полном вооружении, с копьем в одной руке, щитом в другой и гребнем из зеленых перьев на голове. По мнению некоторых, он стал их лидером в Анауаке, направив их к месту, где построена Мексика. Его статуя была гигантских размеров и покрыта орнаментами, каждый из которых имел свое значение. Он был изображен восседающим на троне, из четырех углов которого торчали четыре большие змеи. “Его тело, ” говорит Гомеса, - было усыпано жемчугом, драгоценными камнями и золотом, а вместо ошейников и цепей на его шее висели десять человеческих сердец, сделанных из золота. У него также был поддельный визард со стеклянными глазами, а на шее была нарисована смерть, и все эти вещи имели свои соображения и значения”. Именно ему в его божественном облике разрушителя были принесены самые кровавые жертвоприношения в Мексике. Его жена, Теояомики (от Тео - священный или божественный; Яойотль - война; и Микви - убивать), была представлена в виде фигуры, несущей полные женские груди, буквально обвитые змеями и украшенные перьями, раковинами, зубами и когтями тигра. У нее было ожерелье, состоящее из шести рук. Вокруг ее талии - пояс, к которому прикреплены мертвые головы. Одна из ее статуй, ужасная фигура, все еще находится в городе Мехико. Он высечен из цельного блока вазальта и имеет девять футов в высоту и пять с половиной в ширину.

Не исключено, что змея-мать Уицлипочтли была олицетворением великой женщины-змеи Синакохуатль, жены Тонакатлекоатля, змеи-отца Кецалькоатля. Как бы то ни было, ясно, что между несколькими главными богами Мексики существует более тесная связь, чем это видно из сохранившихся до нас путаных и скудных сведений об их мифологии. Действительно, мы видели, что индуистская Триада, Брахма, Вишну и Шива, имеет очень близкий аналог в Тецкатлипоке, Тлалоке и небесном Уицлипочтли, Создателе, Хранителе, Разрушителе и Воспроизводителе. В описаниях Шивы или Махадео, в его характере разрушителя, он представлен завернутым в тигровые шкуры. Змея в капюшоне обвивается вокруг него и поднимает голову над его плечом, а скрученные змеи образуют его головной убор. В других случаях он держит копье, меч, змею и череп, а на талии у него пояс из черепов. Бык Нанди (эмблема производящей силы), а также лингам входят в число его эмблем. Ему были посвящены самые кровавые жертвоприношения Индии. Дурга, или Кали (олицетворение Бхавин, богини природы и плодородия) соответствует мексиканскому тешаомики и представлена аналогичным образом. Она богиня войны, и ее боевые подвиги обеспечивают ей высокое положение в индуистском пантеоне. Как Кали, ее представители наиболее ужасны. Эмблемы разрушения общие для всех: она обвита змеями; венок из цветов окружает ее голову; ожерелье из черепов; пояс из отрубленных человеческих рук; тигры, припадающие к ее ногам — действительно, каждое сочетание ужасного и омерзительного используется для изображения темного характера, который она олицетворяет. Она наслаждается человеческими жертвоприношениями, и ритуал предписывает, чтобы перед смертью жертвы к ней взывали следующим образом: “Пусть приносящий жертву сначала трижды повторит имя Кали, Радуйся, Кали! Кали! Радуйся, Деви! Радуйся, Богиня Грома! железный скипетр, радуйся, свирепая Кали! Руби, убивай, разрушай! Свяжи, обезопась! Руби топором, пей кровь, убивай, уничтожай!” “У

нее четыре руки, ” говорит Паттерсон, “ две из которых заняты работой смерти; одна направлена вниз, намекая на разрушение, которое ее окружает, а другая направлена вверх, что, кажется, обещает возрождение природы новым творением”. “Во время ее праздников, ” говорит Коулман, “ из ее висков буквально течет кровь”. Однако в образе Дурги ее часто представляют как покровительницу добродетели, а ее битвы со злыми демонами являются темой многих индуистских поэм. В этом аспекте она является вооруженным Фаллосом.

Мы видели, что Создатель Мира, Великий Отец ацтеков Тонакатлекоатль, или Тецкатлипока, и его жена Чиуакохуатль символизировались не только Солнцем и Луной, но также тем, что они обозначались как змеи мужского и женского пола, и что на мифологических изображениях первый был представлен в виде змеи с головой из перьев. Мы также видели, что воплощенный или человеческий представитель этого божества Кецалькоатль также символизировался в виде пернатого змея. Это соответствовало системе ацтеков, которые представляли родственные символы и наделяли своими эмблемами олицетворения или потомков великих богов.

Поскольку эти факты хорошо установлены, многие памятники американской старины, иначе необъяснимые, приобретают особое значение. К сожалению, в Мексике монументальные записи о древних жителях были так безжалостно уничтожены, что сейчас они мало помогают нам в наших исследованиях. Ее древние картины, хотя есть и такие, которые избежали всеобщего разрушения, в принципе находятся вне нашей досягаемости, и с ними нельзя подробно ознакомиться по этим вопросам. Однако в Центральной Америке мы находим множество останков, которые, хотя и находятся в разрушенном состоянии, гораздо полнее и интереснее любых других, о которых мы располагаем какой-либо определенной информацией.

Исследования господ Стивенса и Катервуда представили многие из них перед нами в форме, которая позволяет нам выявить их основные черты. Стивенс и Катервуд представили многие из них в форме, позволяющей нам выявить их основные черты. Первое место среди многих интересных групп руин, обнаруженных этими джентльменами, как по их размерам, так и по характеру, занимают руины Чичен-ицы. Одно из сооружений, входящих в эту группу, описывается следующим образом: “Здание под названием Кастильо - первое, которое мы увидели, и является, со всех точек зрения, самым грандиозным и бросающимся в глаза объектом, возвышающимся над равниной. Холм, на котором он стоит, имеет размеры сто девяносто семь футов у основания и построен, по-видимому, прочно, на высоту семидесяти пяти футов. С западной стороны находится лестница шириной тридцать семь футов; с северной - другая, шириной сорок четыре фута и содержащая девяносто ступеней. На земле у подножия лестницы, образуя смелое, поразительное и хорошо продуманное начало, лежат две колоссальные змеиные головы (покрытые перьями) десяти футов длиной, с широко открытыми пастьми и высунутыми языками”.

Без сомнения, они символизировали какую-то религиозную веру и в умах людей с богатым воображением, проходивших между ними, должны были вызывать чувство торжественного благоговения. Платформа на насыпи имеет площадь около шестидесяти квадратных футов и увенчана зданием размером сорок три на сорок девять футов. Одиночные дверные проемы, обращенные на восток, юг и запад, имеют массивные выступы из дерева сапоте, покрытые искусной резьбой, а косяки украшены скульптурными фигурами. Скульптура сильно изношена, но головной убор из перьев и части богатого наряда все еще сохранились. Лицо хорошо сохранилось и имеет достойный вид. Все остальные косяки украшены скульптурами того же

общего характера, и все они выходят в коридор шириной шесть футов, огибающий три стороны здания. Интерьер этого здания был украшен очень замысловатой, но сильно стертой резьбой.

“Священный характер этого замечательного сооружения очевиден с первого взгляда, и столь же очевидно, что различные скульптуры должны иметь какое-то значение. Вход между головами двух колоссальных змей сразу напоминает нам описание Гомером входа в храм Кецалькоатля в Мексике, который ‘был подобен пасти змеи и которого должны были бояться те, кто входил туда’”.

То обстоятельство, что эти головы украшены перьями, по-видимому, еще больше связывает этот храм с поклонением этому божеству. Но в фигурах, изваянных на косяках входов, которые, как замечает мистер Стивенс, носили один и тот же общий характер повсюду, у нас есть еще одно доказательство того, что это сооружение было посвящено божеству-змее. Следует помнить, что представленного там достойного персонажа сопровождает пернатый змей, складки которого изящно расположены позади фигуры, а хвост украшен погремушками гремучей змеи — отличительным знаком монументального змея континента, изображенного как на резьбе курганов, так и на скульптурах Центральной Америки. Следовательно, мы можем разумно предположить, что этот храм был посвящен доброму Кецалькоатлю или соответствующему ему персонажу, чей символический змей охранял подъем на вершину, и чье внушительное изображение было изваяно на его порталах. Этот вывод подтверждается тем фактом, что на мексиканских картинах храмы Кецалькоатля обозначены змеей, обвивающейся вокруг них или возвышающейся над ними, как можно видеть на примере из Кодекса Борджиан в Кингсборо.

Но это еще не все. Мы уже говорили, что среди ицаев — “святых людей” — основателей Чичен-ицы, а затем и Майяпана, был персонаж, во многих отношениях соответствующий Кецалькоатлю, по имени Ку Кулкан или Кукулькан. Торквемада, которого цитирует Коголлудо, утверждает, что это было всего лишь другое имя Кецалькоатля. Сам Коголлудо говорит о Ку Кулкане как о “том, кто был великим капитаном среди них”, и впоследствии ему поклонялись как богу. Эррара утверждает, что он правил в Чичен-ице; что все согласны с тем, что он пришел с запада, но существует разница в том, пришел ли он до, или после, или с ицами. “Но, - добавляет он, “ название сооружения в Чичен-ице и события, произошедшие в этой стране после смерти правителей, показывают, что Кукулькан правил вместе с ними. Он был человеком с добрым нравом, о котором не было известно, что у него были жена или дети, великим государственным деятелем, и поэтому на него смотрели как на бога, поскольку он сумел построить другой город, в котором можно было вести бизнес. С этой целью они расположились лагерем в восьми лигах от Мерида, где соорудили ограду примерно в восьмую часть лиги в окружности, представлявшую собой стену из сухого камня только с двумя воротами. Они построили храмы, назвав величайший из них Кукульканом. Рядом с оградами стояли дома первых людей, между которыми Кукулькан разделил землю, назначив каждому из них города.

“Этот город назывался майяпан (стандарт майя), поскольку майянский был языком страны. Кукулькан правил в мире и спокойствии и с большой справедливостью в течение нескольких лет, когда, подготовившись к своему отъезду и порекомендовав им хорошую форму правления, которая была установлена, он вернулся в Мексику тем же путем, каким пришел, остановившись на некоторое время в Чанпотане, где в память о своем путешествии он воздвиг сооружение в море, которое можно увидеть и по сей день ”. [9]

Здесь мы имеем прямое утверждение, что главное строение Майяпана называлось Кукулькан; а из языка Эррары напрашивается вывод, что основное строение Чичен-ицы также называлось тем же именем. Это чрезвычайно интересные факты, свидетельствующие о том, что фигура, представленная в “Кастильо” и которую мы идентифицировали на основании других свидетельств как фигуру персонажа, соответствующего Кецалькоатлю, есть не что иное, как фигура полубога Ку Кулкана, или Кукулькана, поклонению которому был посвящен храм и в честь которого он был назван.

Если мы обратимся к этимологии названия Ку Кулкан, то получим дополнительные и поразительные доказательства в поддержку этого вывода. *Ку* на языке майя означает Бога, а *кан* змея. Таким образом, у нас есть Ку Кулкан, Бог—Кул, Змей или Змеебог. Что означает *сан*, как змея. Кукум - это перо, и вполне возможно, что, будучи преобразованным в форму прилагательного, оно может изменить свое окончание на Кукул. Следовательно, этимология может быть Кукумканской Пернатой Змеей или Кукульканским Пернатым Змеем. Мы, однако, полагаемся на первое объяснение и без колебаний рискуем высказать мнение, что, когда представится возможность установить ценность *Кула*, правильность наших выводов будет полностью оправдана.

И здесь мы можем также добавить, что этимология Кинчахана, имени главного бога майя, соответствующего мексиканскому Тонакатлькоатлю, в точности совпадает с этимологией последнего. *Кин* означает Солнце на языке майя, а *чахан*, как хорошо знает каждый, кто знаком с испанским произношением, это не что иное, как вариант написания *Sään* или *San*, змея. Кин Чахан, Кинкаан или Кинкан - это, следовательно, Солнечный змей.

Наблюдение о том, что Кецалькоатля можно рассматривать как воплощение Тецкатлипоки, или Тонакатлькоатля, соответствующего Будде индусов, было основано на совпадениях в их происхождении, характере и учениях, но есть несколько замечательных совпадений между храмами, посвященными поклонению этим двум великим учителям, или, возможно, нам следует сказать, между религиозными структурами Центральной Америки и Мексики, Индостана и островов Индийского архипелага, которые заслуживают внимания.

С вершины только что описанного величественного храма в Чичен-ице мистер Стивенс впервые увидел группы колонн или вертикально стоящих камней, которые, по его наблюдениям, при осмотре оказались одними из самых замечательных и непонятных останков, с которыми он когда-либо сталкивался. “Они стояли рядами по три, четыре и пять в ряд, многие ряды продолжались в одном направлении, когда они коллективно менялись и преследовали другого. Они были невысокими, самый высокий не превышал шести футов в высоту. Многие упали, в некоторых местах рядами лежали ниц, все в одном направлении, как будто их бросили намеренно. В некоторых случаях они простирались до оснований больших курганов, на которых были развалины зданий и большие фрагменты скульптур, в то время как в других они разветвлялись и резко обрывались. Я насчитал триста восемьдесят, и их было гораздо больше; но так много было сломано и лежало так неровно, что я перестал их считать”.

Те, что представлены мистером Стивенсом на его табличке, находятся в непосредственной связи с описанным выше храмом и занимают площадь почти в четыреста квадратных футов.

В третьем томе “Трудов Королевского азиатского общества” приводится отчет капитана Британской армии Чепмена о смешанных храмах древнего города Анараджапура

(расположенного в центре острова Цейлон). Замечательный характер этих древних сооружений и несомненное сходство, которое они сохраняют с сооружениями Центральной Америки, и особенно с группой Чичен-ица, оправдывают несколько подробное описание их.

Согласно местным записям, Анараджапура в течение тысячи трехсот лет была одновременно главным религиозным центром страны и резиденцией ее королей. Он изобилует великолепными зданиями, скульптурами и другими произведениями искусства и пользовался, как и до сих пор, величайшим почитанием последователей Будды как самое священное место на острове.

“В настоящее время, ” говорит капитан Чэпмен, “ единственные сохранившиеся следы города состоят из девяти храмов; двух очень обширных насыпей; нескольких руин поменьше; групп колонн и фрагментов стен, которые разбросаны на протяжении нескольких миль. Девять храмов до сих пор пользуются большим почитанием, и буддисты их периодически посещают. Во-первых, они состоят из огады, в которой растут священные деревья, называемые Богаха; тысячи Колонн, называемых Лоуа Маха Пайа; и семи курганов, или Дагоб, каждый из которых имеет особое название, данное ему его основателем ”.

Храм Бо Маллоа, особенно посвященный Будде, выполнен из гранита и состоит из ряда четырех прямоугольных террас, облицованных гранитом, возвышающихся друг над другом и уменьшающихся как по высоте, так и по протяженности, на которых расположены алтари и священные деревья Богаха, или деревья Будды. Общая высота террас составляет около двадцати футов, а протяженность самой большой тридцать на пятнадцать шагов. На эти террасы ведут лестничные пролеты. У подножия главного пролета расположены перпендикулярно гранитные плиты, на которых смело вырезаны фигуры; а между ними находится полукруглый камень с простой лепниной, врытый в землю. С восточной стороны здания возвышается колоссальная фигура Будды. Другое подобное, но меньшего размера сооружение расположено немного восточнее описанного первого. Оба они окружены стеной, ограждающей пространство в сто двадцать пять шагов в длину и семьдесят пять в ширину, внутри которого посажены разнообразные пахучие деревья.

В нескольких шагах к востоку от этого ограждения находятся руины “Тысячи колонн”. Первоначально они состояли из 1600 колонн, расположенных квадратом. Большая часть из них все еще сохранилась; они состоят, за редким исключением, из цельного куска гнейса в том грубом состоянии, в каком они были добыты в карьере. Они возвышаются на десять или двенадцать футов над землей; двенадцать дюймов на восемь квадратных и примерно в четырех футах друг от друга; но два в центре внешней линии отличаются от остальных тем, что сделаны из твердого голубого гранита и более тщательно отделаны. Говорили, что эти колонны были покрыты *чунамом* (штукатуркой) и таким образом преобразованы в колонны, имеющие определенные формы и пропорции. Существует предание, что раньше в центре этой площади находилась медная палата, в которой хранилась реликвия, пользующаяся большим почитанием. В нескольких шагах от него находился единственный неровный столб из гнейса высотой от четырнадцати до шестнадцати футов.

Капитан Чэпмен замечает, что сооружения, сопровождаемые аналогичными группами колонн, существуют на противоположном или континентальном побережье. Храмы Рамисерама, Мадур и знаменитый храм в Серингеме имеют каждый свою “Тысячу колонн”. В Рамисераме колонны расположены в виде колоннад в несколько параллельных рядов, и эти колоннады

разделены резервуарами или пространствами, занятыми зданиями, как указано мистером Стивенсом в Чичен-ице. Некоторые из этих колонн вырезаны; другие находятся в грубом состоянии или покрыты штукатуркой. В Мадуре колонны расположены в виде квадрата из расходящихся линий таким образом, что человек, находящийся в центре, может видеть сквозь них во всех направлениях. Этот квадрат расположен на приподнятой террасе, колонны грубые и высотой всего около восьми футов. В Серингеме колонны также образуют квадрат.

Дагобы, происходящие в связи с храмом Будды и "Тысячей колонн" в Анараджапуре, заслуживают внимания, поскольку они во многих отношениях соответствуют некоторым сооружениям в Чичене. Они имеют различные размеры и обычно состоят из приподнятых террас или платформ большой протяженности, окруженных земляными насыпями, облицованными кирпичом или камнем, и часто увенчанных круглыми куполообразными сооружениями. Основание обычно окружено рядами колонн. Их высота варьируется от пятидесяти до ста пятидесяти футов. Дагобы среднего размера иногда имеют форму, приближающуюся к пузырю, но в целом они имеют форму колокола. Они составляют часть буддийских храмов, почти без исключения. В характере этих необычных колонн и их расположении друг относительно друга и пирамидальных сооружений, в связи с которыми они обнаружены, мы видим поразительное сходство между руинами Чичен-ицы в Центральной Америке и Анараджапуры на Цейлоне — между храмами Будды и Кецалькоатля или каким-либо другим соответствующим образом. Дальнейшие совпадения, которые существуют между священной архитектурой Индии и Центральной Америки, будут отложены для другого места. Однако мы не можем не отметить здесь сооружение в Чичен-ице, обозначенное как "Каракол", как из-за его сходства с дагобами на Цейлоне, так и из-за его связи с поклонением божеству-Змее. Мистер Стивенс описывает это следующим образом: —

“Она имеет круглую форму и известна под названием Каракол, или Винтовая лестница, из-за своего внутреннего устройства. Она расположена на верхней из двух террас. Нижний из них имеет длину спереди, с севера на юг, двести двадцать три фута и все еще находится в хорошей сохранности. На площадку этой террасы ведет величественная лестница шириной сорок пять футов, состоящая из двадцати ступеней. По обе стороны лестницы, образуя своего рода балюстраду, покоятся переплетенные тела двух гигантских змей шириной в три фута, части которых все еще на месте; а среди обломков лестницы виднеется гигантская голова, которая заканчивалась с одной стороны у подножия ступеней. Платформа второй террасы имела размеры восемьдесят футов спереди и пятьдесят пять в глубину, на нее ведет еще одна лестница шириной сорок два фута и с сорока двумя ступенями. В центре ступеней и у стены террасы находятся остатки пьедестала высотой шесть футов, на котором, вероятно, когда-то стоял идол. На платформе, в пятнадцати футах от последней ступени, стоит здание. Он имеет двадцать два фута в диаметре и четыре небольших дверных проема, обращенных по сторонам света. Над карнизом крыша наклонялась, образуя вершину. Высота, включая террасы, немногим меньше шестидесяти футов. Дверные проемы ведут в круглый коридор шириной пять футов. Во внутренней стене есть четыре дверных проема, меньших, чем остальные, и стоящих посередине по отношению к ним. Эти двери ведут во второй круглый коридор шириной в четыре фута, в центре которого находится круглая глыба, по-видимому, из цельного камня, диаметром семь футов шесть дюймов; но в одном месте, на высоте одиннадцати футов от пола, было небольшое квадратное отверстие, которое я безуспешно пытался расчистить. Крыша так сильно шаталась, что я не мог понять, к чему вел этот проем. Стены обоих коридоров были оштукатурены и увешаны картинами, и оба были перекрыты треугольными арками”.

Мистер Стивенс также обнаружил в Майяпане, который, как мы видели, был построен Ку Кулканом, великим правителем и полубогом Чичен-ицы, куполообразное сооружение, во многом аналогичное описанному здесь. Это главное сооружение здесь, оно стоит на холме высотой тридцать футов. Стены достигают десяти футов в высоту до вершины нижнего карниза и еще четырнадцать - до верхнего. Он имеет единственный вход с западной стороны. Внешняя стена имеет толщину пять футов, внутри которой находится коридор шириной три фута, окружающий твердую цилиндрическую каменную массу толщиной девять футов. Стены покрыты четырьмя или пятью слоями штукатурки и были увешаны остатками картин, на которых отчетливо были видны красный, желтый, синий и белый цвета. С юго-западной стороны здания тянулся двойной ряд колонн на расстоянии восьми футов друг от друга, хотя, вероятно, судя по остаткам вокруг, их было больше, и, расчистив деревья, можно было найти и другие. Они были двух с половиной футов в диаметре. Мы не информированы на этот счет, но предположительно колонны были расположены относительно сооружения таким же образом, как те, что сопровождали дагобы на Цейлоне или курганы Чичен-ицы.

Среди руин Чичена нет ничего более примечательного, чем та, которую местные жители называют "Эгклезия", или Церковь. Мистер Стивенс описывает его как состоящее из "двух огромных параллельных стен, каждая из которых имеет двести семьдесят пять футов в длину, тридцать футов в толщину и расположена на расстоянии ста двадцати футов друг от друга. В ста футах от северной оконечности, лицом к пространству между стенами, стоит на террасе здание длиной тридцать пять футов, состоящее из одной комнаты, фасад которой обвалился, и среди мусора возвышаются остатки двух колонн, искусно украшенных орнаментом, вся внутренняя стена открыта для обозрения, сверху донизу покрытая скульптурными фигурами в виде барельефа, сильно потертого и выцветшего. На южной оконечности также, отодвинутое на сто футов назад и соответствующее по положению, находится еще одно здание длиной восемьдесят один фут, находящееся в руинах, но также демонстрирующее остатки этой колонны, богато украшенные скульптурой. В центре огромных каменных стен, точно напротив друг друга, на высоте тридцати футов от земли, находятся два массивных каменных кольца диаметром четыре фута и толщиной один фут - один дюйм, диаметр отверстия составляет один фут семь дюймов. По краю и кайме изваяны две переплетенные змеи; у одной из них голова с перьями, у другой - нет." Можем ли мы рассматривать их как отсылку к Богу-Змее и Богине-Змее из мифологии ацтеков? Мистер Стивенс склонен считать описанное здесь необычное сооружение спортивным залом или теннисным кортом и подкрепляет свое мнение цитатой из Эррары. Другим кажется гораздо более вероятным, что, как и другие здания группы, это имело исключительно священное происхождение. Как бы то ни было, переплетенные змеи явно символичны, поскольку мы находим их в другом месте, на гораздо более заметном месте, и они занимают первое место среди символических фигур, изваянных в храмах аборигенов.

Непосредственно в связи с этим необычным сооружением, составляющим часть восточной стены, находится здание, во многих отношениях наиболее интересное из посещенных мистером Стивенсом, о котором, к сожалению, он не дал нам более полного отчета. Не требуется особых усилий воображения, чтобы обнаружить в скульптурах и картинах, которыми он украшен, запечатленные записи учения обожествленного Ку Кулкана, который обучал людей искусствам, учил их религии и учредил правительство. Здесь изображены процессии фигур, покрытых орнаментами и несущих оружие. "Одна из внутренних комнат покрыта," говорит мистер Стивенс, "от пола до сводчатой крыши живописными узорами, представляющими в ярких красках человеческие фигуры, битвы, лошадей, лодки, деревья и различные сцены из

домашней жизни”. Они очень близко соответствуют изображениям на стенах древних буддийских храмов Явы, которые, по описанию мистера Кроуферда, покрыты рисунками “на самые разнообразные темы, такие как процессии, аудиенции, религиозные богослужения, сражения, охота, морские и другие сцены”.

Среди руин Ушмаля находится сооружение, очень напоминающее Эгклезию в Чичене. Он состоит из двух массивных каменных стен, длиной сто двадцать восемь футов и толщиной тридцать, расположенных на расстоянии семидесяти футов друг от друга. Насколько можно было разглядеть, они совершенно одинаковы по плану и орнаменту. Обращенные друг к другу стороны украшены скульптурами, и на обеих сохранились фрагменты переплетенных колоссальных змей, которые тянутся по всей длине стен. В центре каждого фасада, как и в Чичене, находились фрагменты большого каменного кольца, которое было отломано и, вероятно, разрушено. Таким образом, казалось бы, эмблема переплетенных змей имела большое значение для целей, которым были посвящены эти сооружения. Разрушение этих камней является еще одним свидетельством их религиозного характера; ибо завоеватели всегда направляли свое разрушительное рвение против тех памятников или частей памятников, которые наиболее почитались и ценились индейцами и которые считались наиболее тесно связанными с их суевериями.

В двухстах футах к югу от этого здания находится еще одно большое и внушительное сооружение, называемое Каса-де-лас-Монхас, Дом монахинь. Он стоит на самых высоких террасах, и к нему ведет лестница. Он четырехугольной формы, с внутренним двором в центре. Его размеры составляют двести четырнадцать на двести пятьдесят восемь. “Проходя через арочные ворота, - говорит мистер Стивенс, “ мы попадаем в этот величественный внутренний двор, на который смотрят четыре огромных фасада, каждый из которых от края до края украшен самой богатой и искусной резьбой, известной в искусстве строителей. Фасад слева наиболее богато украшен, но сильно разрушен. Он имеет сто шестьдесят футов в длину и отличается двумя переплетенными колоссальными змеями, которые проходят через почти все украшения по всей его длине и охватывают их. В северной части, где фасад является наиболее цельным, хвост одной змеи поднят почти над головой другой и украшен орнаментом в виде тюрбана с плюмажем из перьев. На конце хвоста есть отметины, вероятно, обозначающие гремучую змею, которой изобилует эта местность. Нижняя змея широко разинула свои чудовищные пасти, а внутри находится человеческая голова, лицо которой отчетливо видно на камне. Говорят, что голова и хвост двух змей на южной оконечности фасада соответствовали тем, что были на северной, и когда в 1836 году все было закончено, змеи были замечены вокруг каждого украшения здания. Тела змей покрыты перьями. Его руины дают живое представление о больших и многих хорошо построенных зданиях из извести и камня, которые Берналь Диас видел в Кампичи, с нарисованными на их стенах фигурами змей и идолов. ” Мистер Норман упоминает, что головы змей были украшены плюмажами из перьев, а хвосты демонстрировали особенности гремучей змеи.[10]

Восточный фасад, противоположный только что описанному, украшен менее изысканно, но с большим вкусом. Над каждым дверным проемом находится орнамент, представляющий Солнце. В каждом экземпляре в центре изображено лицо с высунутым языком, увенчанное замысловатым головным убором; между прутьями также имеется ряд украшений в форме ромба, на которых отчетливо видны остатки красной краски, а на каждом конце изображена змеиная голова с открытой пастью. Орнамент над главным дверным проемом гораздо более сложный и

замысловатый и выполнен в том заметном и своеобразном стиле, который характеризует высочайшие усилия строителей.

Центральная фигура с выступающим языком, вероятно, изображает Солнце, и в целом дизайн совпадает с центральной фигурой, изваянной на большом календарном камне Мексики, и с фигурой, найденной мистером Стивенсом на стенах Дома № 3 в Паленке, где она представлена как объект восхищения. Высунутый язык у ацтеков означал способность говорить и обозначал жизнь. У славянских народов идея жизнеспособности передавалась через способность есть, как это происходит у нас самих, дышать и ходить среди индейцев алгонкинской породы.

Хотя Центральная Америка была занята народами, независимыми от собственно Мексики, все же некоторые из них (например, те, что населяли тихоокеанское побережье, вплоть до Никарагуа на юге) произошли непосредственно от них, и все они имели поразительные общие черты с ними. Их языки в целом отличались, но были родственны; их архитектура была по существу одинаковой; и их религия, у нас есть все основания полагать, не сильно отличалась, хотя, несомненно, религия юга была менее свирепой по своему характеру и не так часто искажалась человеческими жертвоприношениями.

Поэтому мы можем с полной безопасностью искать общие мифологические представления, особенно когда мы уверены в том факте, что, каковы бы ни были ее модификации, религия континента по сути одна и та же; и особенно когда мы знаем, что какие бы различия ни существовали между различными народами Мексики и Центральной Америки, элементы их религии произошли от общего тоттекинского корня.

ГЛАВА VI.

Мексиканский храм Монтесумы—Эмблема Змеи в Мексике—Пирамида Чолулы—Традиция гигантов Анауака—Храм Кецалькоатля—Североамериканские индейцы и Гремучая змея—Индийская традиция Великого Змея—Змеи в курганах Запада—Фанатизм и безумие испанских завоевателей Запада—Широкое распространение мексиканской офиолатреи.

Памятники Мексики, изображающие змею, очень многочисленны, и почти каждый путешественник по этой интересной стране обращал на них особое внимание. Этот символ также замечен на древних картинах.

“Великий храм Мексики, ” говорит Акоста, - был построен из огромных камней в виде змей, привязанных одна к другой, и круг назывался коате-пантли, что означает круг змей”. Дюран сообщает нам, что этот храм был специально построен первым Монтесумой “для всех богов” и поэтому называется Коатлан, буквально “змеиное место”. Он также сообщил нам, что в нем

находился храм или святилище Тецкатлипоки, Уицлипочтли и Тлалока, называемый Коатеокалли, “Храм змеи”.

Говорит Берналь Диас в своем отчете о походе Кортеса в Мексику: “Сегодня мы прибыли в место под названием Террагуко, которое мы назвали городом змей из-за огромных фигур этих рептилий, которые мы нашли в их храмах и которым они поклонялись как богам”.

Нельзя предполагать, что абсолютное поклонение змеям — простое приниженное поклонение самой рептилии или фетишизм, подобный тому, который, как говорят, существует в некоторых частях Африки, — преобладало в Мексике. Змея вошла в их религиозные системы только как эмблема. Тем не менее, не исключено, напротив, чрезвычайно вероятно, что определенная степень суеверного почитания была связана с самой рептилией. По словам Берналя Диаса, живые гремучие змеи хранились в великом храме Мексики как священные предметы. Он говорит: “Более того, в том проклятом доме держали гадюк и ядовитых змей, у которых на хвостах было что-то похожее на колокольчики Морриса, а это худшие из гадюк. Их держали в колыбелях, бочках и глиняных сосудах на перьях, и там они откладывали яйца, и выкармливали своих змеенышей, и их кормили телами принесенных в жертву и собачьим мясом”.

Шарлеве в “Истории Парагвая” рассказывает, “что Альварес во время одной из своих экспедиций в эту страну нашел город, в котором была большая башня или храм - резиденция чудовищного змея, которого жители выбрали в качестве божества и которого они кормили человеческим мясом. Он был толст, как бык, и двадцати семи футов в длину. Этот рассказ считался несколько апокрифическим, хотя вполне вероятно, что поклонение змеям существовало среди некоторых диких племен Южной Америки.

Было сказано: “следует отметить, что Диас был не склонен с самодовольством относиться к религии мексиканцев или ко всему, что было с ней связано, и что его предрассудки не обошлись без влияния на его язык. Тем не менее, его родственник может считаться по существу надежным”.

М-р Майер в своем Описании Мексики дает интересный отчет о древней и необычной индийской пирамиде в Чолуле, сооружении, тесно связанном с Кецалькоатлем, о котором мы говорили.

Это одна из самых замечательных реликвий аборигенов на континенте, ибо, хотя она была построена только из адобеса, или обычного высушенного на солнце кирпича, она все еще сохранилась в достаточной отчетливости, чтобы удивить любого наблюдателя предприимчивостью ее индийских строителей. Для чего это предназначалось, для гробницы или храма, никто с уверенностью не определил, хотя самые мудрые знатоки древностей гадали со времен завоевания. Посреди равнины индейцы воздвигли гору. Основание все еще сохранилось, чтобы сообщить нам его размеры; но какова была его первоначальная высота? Была ли это гробница какого-то могущественного лорда или суверенного принца; или это было единственное место жертвоприношения?

Много лет назад при прокладке новой дороги в Пуэблу из Мексики возникла необходимость пересечь часть основания этой пирамиды. Раскопки обнажили квадратную камеру, построенную из камня, крышу которой поддерживали кипарисовые балки. В нем были найдены несколько базальтовых идолов, несколько расписных ваз и останки двух мертвых тел. Первооткрыватели не позаботились об этих реликвиях, и они потеряны для нас навсегда.

Приближаясь к пирамиде с востока, она кажется настолько изломанной и заросшей деревьями, что трудно отчетливо различить какие-либо очертания. Однако с запада можно получить очень хорошее представление об этом массивном памятнике, поскольку он возвышается в уединенном величии посреди широко раскинувшейся равнины. Хорошо вымощенная дорога, проложенная старыми испанцами, поднимается от северо-западного угла ступенями через равные промежутки времени, сначала наклоняясь с западной стороны к верхней скамье террасы, а оттуда возвращаясь к той же стороне, пока не упрется в крутой пролет, ведущий к фасаду маленькой увенчанной куполом часовни, окруженной кипарисовой могилой и посвященной Пресвятой Деве Ремедийской.

Вершина идеально ровная и защищена стеной-парапетом, откуда со всех сторон открывается великолепный вид на ровную долину. Каким бы ни было это сооружение, идея постоянного достижения таким образом высоты, к которой люди могли бы прибегать для молитвы — или даже для парада или развлечения, — была возвышенной концепцией и дает право людям, которые столетия назад терпеливо возводили величественную пирамиду, на уважение потомков.

В настоящее время от пирамиды Чолулы осталось всего четыре этажа, возвышающихся друг над другом и соединенных террасами. Эти истории сложены, как уже говорилось, из высушенных на солнце кирпичей, перемежающихся редкими слоями штукатурки и каменных изделий. “И это все, ” говорит мистер Майер, “ что можно рассказать или описать. Каким бы старым он ни был, каким бы интересным ни был, как бы его ни исследовали антиквары всех стран, результат всегда был один и тот же. Индейцы говорят вам, что это было место захоронения, а мексиканцы дают вам универсальный ответ невежества в этой стране: *Quien Sabe?* — кто знает? кто может сказать?”

Барон Гумбольдт говорит: “Пирамида в Чолуле точно такой же высоты, как пирамида Тонатиух Илксакваль в Теотиуакане. Она на три метра выше, чем Микерина, или третья из великих египетских пирамид группы Джизех. Однако ее основание больше, чем у любой пирамиды, обнаруженной до сих пор путешественниками в старом свете, и вдвое больше той, что известна как пирамида Хеопса. Те, кто желает составить представление об огромной массе этого мексиканского памятника путем сравнения наиболее известных им объектов, могут представить себе площадь в четыре раза большую, чем площадь Вандомской площади в Париже, покрытую слоями кирпича, высота которого в два раза превышает высоту Лувра. Некоторые люди воображают, что все это сооружение не является искусственным, но, насколько можно судить по проведенным исследованиям, нет причин сомневаться в том, что это полностью произведение искусства. В ее нынешнем состоянии (и мы не знаем о ее совершенной первоначальной высоте) ее перпендикулярное отношение к основанию равно восьми к одному, в то время как в трех великих пирамидах Джизе соотношение составляет один и шесть десятых к одному и семь десятых к одному; или почти как восемь к пяти ”.

Не могло ли это быть основанием какого-нибудь величественного храма, разрушенного задолго до завоевания и о котором даже предания больше не сохранились среди соседних индейцев?

В продолжение Гумбольдт отмечает, что “жители Анахака, по-видимому, спроектировали пирамиду в Чолуле такой же высоты и вдвое больше основания пирамиды в Теотиуакане, и что пирамида Асихиса, самая большая из известных египтян, имеет основание 800 футов и похожа на пирамиду в Чолуле, построенную из кирпича. Высота Страсбургского собора составляет

восемь футов, а креста Святого Петра в Риме на сорок один фут ниже вершины пирамиды Хеопса. Пирамиды существуют по всей Мексике; в лесах Папантлы на небольшом расстоянии над уровнем моря; на равнинах Чолулы и Теотиуакана, на высотах, превышающих высоты Альпийских перевалов. У самых отдаленных народов, в самых разных климатических условиях человек, по-видимому, перенял тот же стиль строительства, те же украшения, те же обычаи и подчинился управлению тех же политических институтов”.

Это аргумент? задавался вопрос: что все люди произошли из одного корня, или что человеческий разум везде одинаков и, подверженный влиянию сходных интересов или потребностей, неизменно приходит к одному и тому же результату, будь то наведение пирамиды или стрелы, создание закона или ковша?

“Как бы я ни относился с недоверием, - говорит Майер, - ко всем темным и пробирающимся ощупью попыткам антикваров, я, тем не менее, предложу вам несколько набросков и легенд, которые могут послужить, по крайней мере, основанием для догадки о божестве, которому была воздвигнута эта пирамида, и, возможно, доказать, что она предназначалась для фундамента храма, а не для покрытия гробницы”.

Таким образом, традиция, записанная монахом-доминиканцем, посетившим Чолулу в 1566 году, взята из его работы уже цитированным путешественником.

“Перед великим наводнением, которое произошло через 4800 лет после сотворения мира, страна Анауак была населена гигантами, все из которых либо погибли во время наводнения, либо превратились в рыб, за исключением семерых, которые убежали в пещеры.

Когда воды спали, один из великанов по имени Кселуа, по прозвищу ‘Архитектор’, отправился в Чолулу, где в память о Тлалоке, который служил убежищем ему и его шести братьям, он построил искусственный холм в форме пирамиды. Он приказал изготовить кирпичи в провинции Тлалманалько, у подножия Сьерры Чекотль, и, чтобы доставить их в Чолулу, выстроил вереницу людей, которые передавали их из рук в руки. Боги сгневом взирали на сооружение, вершина которого должна была достигать облаков. Раздраженные дерзкой попыткой Кселуа, они обрушили огонь на пирамиду. Погибло множество рабочих. Работы были прекращены, и впоследствии памятник был посвящен Кецалькоатлю. ” Описание этого бога мы уже приводили на этих страницах.

Следующую необычную историю, касающуюся этого божества и некоторых служб его храма, можно найти в “Естественной и нравственной истории Акосты”, книга 5, глава 30.

“В этом храме Кецалькоатля, в Чолуле, был двор разумного величия, в котором устраивали великолепные танцы и забавы с играми и комедиями в день праздника этого идола, для чего посреди этого двора был устроен театр площадью тридцать квадратных футов, очень искусно украшенный — который в тот день украсили цветами — со всем искусством и выдумкой, какие только возможны, окруженный арками из разнообразных цветов и перьев, и в некоторых местах там было привязано множество маленьких птичек, кроликов и других ручных птиц”. звери. После ужина все люди собрались в этом заведении, и актеры представили себя и разыграли комедии. Одни изображали глухих и ревматиков, другие хромых, третьи слепых и калек, которые приходили искать исцеления у идола. Глухие сбивчиво отвечали, ревматики кашляли, хромые останавливались, рассказывая о своих невзгодах и горестях, чем заставляли людей смеяться. Другие вышли в виде маленьких зверей, некоторые были одеты как улитки, другие как жабы, а

некоторые как ящерицы; затем, собравшись вместе, они рассказали о своих обязанностях, и, когда каждый удалился на свое место, они заиграли на маленьких флейтах, которые было приятно слушать. Они также подделывали бабочек и маленьких птичек разных цветов, которых изображали дети, отправленные в храм для получения образования. Затем они отправились в небольшой лес, посаженный там специально для этой цели, откуда жрецы храма вывели их с помощью музыкальных инструментов. Тем временем они произнесли много приятных речей, одни в защиту, другие в защиту, чем приятно развлекли ассистентов. Покончив с этим, они устроили маскарад со всеми персонажами, и на этом пир закончился”.

Из этих традиций мы извлекаем несколько важных фактов. Во-первых, что Кецалькоатль был “богом воздуха”; во-вторых, что он был представлен как “пернатый змей”; в-третьих, что он был великим божеством чолуланов; и в-четвертых, что они возвели холм, на котором они воздвигли храм в его славу, где они праздновали его праздники с помпой и великолепием.

Объединяя все это, разве неразумно полагать, что пирамида Чолулы была основанием этого храма и что ему там поклонялись как Великому Духу Воздуха - или времен года; Богу, который производил плодородие земли, регулировал Солнце, ветер и ливень и таким образом распространял изобилие по земле. Считалось также, что змея вполне может олицетворять молнию, а перья - стремительность, обозначая таким образом один из атрибутов воздуха, причем самый быстрый и разрушительный.

Мистер Майер говорит: “Я постоянно видел змей в городе Мехико, вырезанных из камня, и в различных коллекциях древностей”, и он приводит рисунки нескольких основных из них, особенно одного, вырезанного с изысканным мастерством и найденного во дворе Университета.

Васкес Коронадо, губернатор Новой Галисии, как тогда назывались северные территории Испании, в 1539 году написал вице-королю Мендосе письмо о неизвестных регионах, все еще лежащих за его пределами на севере. Его рассказ был основан главным образом на легендарном рассказе монаха Марко Низы, и на него нельзя полностью полагаться. В этом письме он упоминает, что “в провинции Топира были люди, у которых были большие башни и храмы, крытые соломой, с маленькими круглыми окнами, заполненные человеческими черепами, а перед храмом был большой круглый ров, края которого окружала змея, сделанная из различных металлов, которая держала свой хвост во рту и перед которой приносили в жертву людей”.

Дю Пэ привел множество примеров резьбы, изображающей змею, которую он нашел во время своих антикварных изысканий в Мексике. Один из них, найденный недалеко от древнего города Чочимилько, представляет собой искусственно свернутую змею, вырезанную из куска порфира. “Его длинное тело изящно переплетено, оставляя свободными голову и хвост. В исполнении рисунка есть что-то эффектное. Его голова приподнята и причудливо украшена, в открытой пасти видны два длинных и заостренных клыка, язык (необычно длинный) раздвоен на конце, как якорь, тело покрыто причудливой чешуей, а хвост (покрытый кругами) заканчивается тремя погремушками. Змея была частой эмблемой мексиканских художников. Гибкость его фигуры делала его восприимчивым к бесконечному разнообразию положений, правильных и нерегулярных; они воспользовались этим преимуществом и безгранично варьировали свои представления о нем, никогда не придавая ему неестественного положения”.

Недалеко от Куаквечулы Дю Пэ обнаружил еще одну замечательную скульптуру змеи, вырезанную из черного базальта и так переплетенную, что пространство внутри складок ее тела образовывало купель, достаточно большую, чтобы вместить значительное количество воды. Тело рептилии было закручено по спирали, а голова, вероятно, служила ручкой для ее перемещения. Он был украшен кругами, а хвост напоминал хвост гремучей змеи.

Дю Пэ также нашел в Тепеяке, в квартале города под названием Сент-Майкл Тлайшеги (что на мексиканском языке означает полость горы), змею, вырезанную из красного порфира. Он больших размеров, находится в состоянии покоя и намотан на себя спиральными кругами так, чтобы оставить посередине полое пространство или поперечную ось. Голова со свирепым выражением лица вооружена двумя длинными и острыми клыками, а язык двойной, разделенный в продольном направлении. Вся поверхность тела украшена или покрыта широкими и длинными перьями, а хвост заканчивается четырьмя погремушками. Его длина от головы до кончика хвоста составляет около двадцати футов, и он постепенно уменьшается в толщину. “Эта рептилия, ” говорит Дюпэ, “ была монархом или гигантом своего вида, а в языческие времена была божеством, высоко почитаемым под именем Кецалькоатль, или Пернатый Змей. Он чрезвычайно хорошо вылеплен, и до сих пор сохранились следы того, что его когда-то раскрашивали киноварью”.

Но символический пернатый змей не был характерен для Мексики и Юкатана. Сквайр в своих исследованиях в Никарагуа несколько раз сталкивался с ним. Недалеко от города Сантьяго-де-Манагуа, столицы Республики, расположенного на берегу озера Манагуа или Леон, и недалеко от вершины высокого вулканического хребта, который отделяет воды, впадающие в Атлантику, от вод, впадающих в Тихий океан, находится потухший кратер, ныне частично заполненный водой, образующий озеро почти в две мили в окружности, называемое Нихапа. Склоны этого кратера представляют собой отвесные скалы высотой от пятисот до восьмисот футов. Есть только одно место, где возможен спуск. Она ведет к небольшому пространству, образованному упавшими камнями и обломками, которое позволяет путешественнику встать на ноги. Стоя здесь, он видит над собой, на гладкой поверхности утеса, разнообразные фигуры, выполненные аборигенами красной краской. Наиболее заметным среди них является пернатый змей, свернувшийся кольцом и украшенный орнаментом. Он около четырехфутов в диаметре. На некоторых других камнях были найдены изображения змеи, полностью соответствующие изображениям на Дрезденской рукописи, скопированной Кингсборо, и подтверждающие предположения Гумбольдта и других исследователей о том, что эта рукопись происходила к югу от Мексики. Туземцы, побывавшие здесь, предположили, что скопированная фигура символизирует солнце. Несколько лет назад на скалах были видны большие изображения солнца и луны, но участок, на котором они были нарисованы, был разрушен сильным землетрясением 1838 года. Части фигур все еще можно проследить на упавших фрагментах.

Примечательно, что многие племена североамериканских индейцев питают суеверное отношение к змеям, и особенно к гремучей змее. Хотя они всегда избегали этого, они никогда не уничтожали его, “чтобы, - говорит Бартрам, - дух рептилии не побудил ее сородичей отомстить”.

По словам Адера, этот страх не был лишен примеси благоговения. Шарлевуа утверждает, что у натчезов фигурка гремучей змеи, вырезанная из дерева, была помещена среди других предметов на алтарь их храма, которому они оказывали большие почести. Хеквелдер

рассказывает, что линни Линапе называли гремучую змею “дедушкой” и ни в коем случае не допустили бы ее уничтожения. Хенни утверждает, что у индейцев в окрестностях озера Гурон было похожее суеверие, и они также называли гремучую змею своим “дедушкой”. Он также упоминает случаи, когда ему приносились в жертву табак и он просил родительской заботы о стороне, совершающей жертвоприношение. Карвер также упоминает пример подобного отношения со стороны индейца меномини, который постоянно носил с собой гремучую змею, “относясь к ней как к божеству и называя ее своим великим отцом”.

Часть почитания, с которым относились к рептилии в этих случаях, может быть отнесена к тому суеверию, столь распространенному среди диких племен, под влиянием которого все замечательное в природе рассматривалось как лекарство или тайна и, следовательно, заслуживало уважения. Тем не менее, по-видимому, под всем этим скрываются остатки офитского суеверия иного характера, которое проявляется в общем использовании змеи как символа бестелесных сил, “манитозных” или духов.

М-р Джеймс в своей рукописи, находящейся в распоряжении Нью-Йоркского исторического общества, утверждает, “что меномини переводят *маниту* из Чиппевеев через *ahwahtoke*”, что определенно означает змея. “Было ли, ” продолжает он, “ это слово впервые образовано как название удивительного или отвратительного объекта и оттуда перенесено на духовные существа, или же его значение расширилось в противоположном направлении, определить трудно”. Боссу также утверждает, что жители Арканзаса верили в существование великого духа, которому они поклоняются в виде змеи. На Северо-западе это был символ злой силы.

Здесь уместно привести предание об огромном змее, которое и по сей день распространено среди значительной части индейцев алгонкинской породы. Это позволяет провести некоторые любопытные параллели с аллегорическими отношениями старого света. Великий Учитель алгонкинов, Манабоджо, всегда противопоставляется великому змее, духу зла, который очень близко соответствует египетскому Тифону, индийской Калии и скандинавскому Мидгарду. Он также связан с алгонкинскими представлениями о потопе; и поскольку Тифон противопоставляется Осирису или Аполлону, Калия - Сурье или Солнцу, а Мидгард - Водину или Одину, то и он имеет соответствующее отношение к Манабоджо. Конфликты между ними часты; и хотя борьба иногда бывает долгой и сомнительной, Манабоджо обычно добивается успеха в борьбе со своим противником. Одно из таких состязаний включало разрушение земли водой и ее воспроизводство могущественным и благодетельным Манабоджо. Традиция, в которой воплощено это грандиозное событие, была, таким образом, передана Ках-ге-га-га-бувом, вождем оджибвеев. Во всех своих основных чертах он зафиксирован с помощью грубых изобразительных знаков индейцев и разбросан по всем территориям алгонкинов.

Однажды, возвращаясь в свой вигвам после долгого путешествия, Манабоджо пропустил из него своего юного двоюродного брата, который жил с ним, он громко позвал его по имени, но ответа не получил. Он огляделся на песке в поисках следов своих ног и там впервые обнаружил след Мешекенабека, змеи. Тогда он узнал, что его двоюродный брат был схвачен его злейшим врагом. Он вооружился и пошел по своему следу, он перешел великую реку и пересек горы и долины к берегам глубокого и мрачного озера, которое теперь называется Озером Маниту, Озером Духов или Озером Дьяволов. След Мешекенабека вел к кромке воды.

На дне этого озера находилось жилище змея, и оно было наполнено злыми духами — его слугами и спутниками. Их формы были чудовищны и ужасны, но большинство, как и их хозяин,

имели сходство со змеями. В центре этого ужасного сборища находился сам Мешекенабек, обматывающий своими томами несчастного кузена Манабожо. Его голова была красной, как от крови, а глаза свирепыми и горели, как огонь. Все его тело было покрыто твердой и блестящей чешуей всех оттенков и расцветок.

Манабожо посмотрел сверху вниз на корчащихся духов зла и поклялся отомстить. Он приказал облакам исчезнуть с небес, ветрам утихнуть, а воздух над озером манитус застоялся, и повелел солнцу светить на него со всей своей яростью; ибо таким образом он стремился выгнать своего врага в прохладную тень деревьев, которые росли на его берегах, чтобы он мог отомстить ему.

Тем временем Манабоджо схватил свой лук и стрелы и расположился рядом с тем местом, куда, по его мнению, должны были прийти змеи, чтобы насладиться тенью. Затем он переместился в сломанный обрубок засохшего дерева, чтобы враги не обнаружили его присутствия.

Ветры стихли, и жаркое солнце засияло над озером злого манитуса. Мало-помалу вода забурлила, и на поверхность поднялись пузырьки, ибо лучи солнца проникли к ужасному выводу в ее глубинах. Суматоха усилилась, и змея высоко подняла голову над центром озера и оглядела берега. Тотчас же другой поднялся на поверхность, и они прислушались к шагам Манабоджо, но нигде на всей земле его не было слышно, и они сказали друг другу: “Манабоджо спит”. А затем они снова погрузились под воду, которая, казалось, зашипела, смыкаясь над ними.

Вскоре озеро маниту стало еще более беспокойным, чем прежде, оно вскипело из самых своих глубин, и горячие волны бешено бились о скалы на его берегах. Суматоха усилилась, и вскоре Мешекенабек, Огромный Змей, медленно вынырнул на поверхность и двинулся к берегу. Его кроваво-красный гребень засиял более глубоким оттенком, а отражение от его блестящей чешуи было подобно ослепительному блеску покрытого мокрым снегом леса под утренним зимним солнцем. За ним последовали злые духи, которых было так много, что они покрыли берега озера своими вонючими останками.

Они увидели сломанный обрубок, в который превратился Манабоджо, и, подозревая, что это может быть одна из его маскировок, поскольку они знали его хитрость, один из них приблизился, обвил его хвостом и попытался утащить вниз. Но Манабоджо стоял твердо, хотя и с трудом удерживался от громкого крика, потому что хвост чудовища щекотал его бока.

Великий Змей извивался своими широкими складками среди деревьев леса, и остальные тоже искали тени, в то время как один остался прислушиваться к шагам Манабожо.

Когда все они уснули, Манабоджо молча достал стрелу из своего колчана, вложил ее в лук и прицелился туда, где, как он видел, билось сердце Великого Змея. Он запустил его, и с воем, сотрясшим горы и напугавшим диких зверей в их пещерах, чудовище проснулось и, сопровождаемое своими ужасными спутниками, издававшими смешанные звуки ярости и ужаса, снова нырнуло в озеро. Здесь они излили свою ярость на беспомощного двоюродного брата Манабожо, чье тело они разорвали на тысячу фрагментов, его искалеченные легкие поднялись на поверхность и покрыли ее белизной. И это является источником пены на воде.

Когда Великий Змей понял, что смертельно ранен, и он, и злые духи вокруг него стали в десять раз страшнее от своего великого гнева, и они поднялись, чтобы сокрушить Манабоджо. Вода озера вздулась из своих темных глубин и со звуком, подобным раскатам грома, бешено

покатилась по своему пути, с неудержимой яростью снося перед собой камни и деревья. Высоко на гребне передовой волны, черной, как полночь, плыла корчащаяся фигура раненого Мешекенабека, и красные глаза вокруг него остекленели, а горячее дыхание чудовищного выводка яростно свистело над отступающим Манабожо. Тогда Манабоджо подумал о своих индейских детях, и он пробежал мимо их деревень и встревоженным голосом приказал им бежать в горы, ибо Великий Змей наводнял землю в своем изнемогающем гневе, не щадя ни одного живого существа. Индейцы подхватили своих детей и стали отчаянно искать спасения там, где он им велел. Но Манабожо продолжал свое бегство вдоль подножия западных холмов и, наконец, нашел убежище на высокой горе за озером Верхнее, далеко на севере. Там он нашел множество людей и животных, бежавших от наводнения, которое уже покрыло долины и равнины и даже самые высокие холмы. Вода все еще продолжала подниматься, и вскоре все горы были затоплены, кроме той, на которой стоял Манабожо. Затем он собрал бревна и соорудил плот, на который поместились все мужчины, женщины и животные, которые были с ним. Как только они это сделали, поднявшийся поток сомкнулся над горой, и они плыли одни по поверхности вод; и так они плыли много дней, и некоторые умерли, а остальные опечалились и упрекали Манабоджо в том, что он не разогнал воды и не обновил землю, чтобы они могли жить. Но хотя он знал, что его великий враг к этому времени был мертв, все же Манабоджо не смог бы обновить мир, если бы у него в руках не было немного земли, с помощью которой он мог бы начать работу. И это он объяснил тем, кто был с ним, и сказал, что если бы это было хоть немного, хотя бы несколько крупинок земли, тогда он мог бы рассеять воды и обновить мир. Тогда бобриха вызвалась спуститься на дно бездны и добыть немного земли, и все они зааплодировали ее замыслу. Она нырнула внутрь, они долго ждали, а когда она вернулась, то была мертва; они разжали ее руки, но в них не было земли. “Тогда, - сказал выдр, - я буду искать землю”, - и отважный пловец нырнул с плота. Выдра отсутствовала еще дольше, чем бобр, но когда он вернулся на поверхность, он тоже был мертв, и в его когтях не было земли. “Кто найдет землю?” - воскликнули все, кто остался на плоту, “теперь, когда бобр и выдра мертвы?” и они впали в еще большее уныние, чем прежде, повторяя: “Кто найдет землю?” “Это сделаю я”, - сказал ондатра и быстро исчез между бревнами плота. Ондатра отсутствовала очень долго, гораздо дольше выдры, и считалось, что она никогда не вернется, когда она внезапно вынырнула неподалеку, но была слишком слаба, чтобы говорить, и медленно поплыла к плоту. Едва он взобрался на нее, как тоже умер от перенапряжения. Они разомкнули его маленькие ручки и нашли там, плотно зажатые между пальцами, несколько крупинок свежей земли. Манабоджо тщательно собрал и высушил их на солнце, а затем растер в ладонях в мелкий порошок и, поднявшись, сдул его над водой. Как только это было сделано, наводнение начало спадать, и вскоре деревья на горах и холмах поднялись из глубины, и показались равнины и долинки, и вода исчезла с суши, не оставив никаких следов, кроме густого осадка, который был пылью, которую Манабоджо сдул с плота.

Затем было обнаружено, что Мешекенабек, Великий Змей, мертв, а злой манитус, его спутники, вернулись в глубины озера духов, из которого из страха перед Манабожо они никогда больше не осмеливались выходить. И в благодарность за бобра, выдру и ондатру индейцы всегда считали этих животных священными, и они стали их братьями, и они никогда не убивали и не приставали к ним, пока лекарство незнакомца не заставило их забыть своих родственников и не обратило их сердца к неблагодарности.

В курганах Запада были найдены различные скульптуры змеи, и среди них одна следующая: — Она представляет собой свернувшуюся кольцами гремучую змею и вырезана из очень плотного

песчаника цвета корицы. Он имеет шесть с четвертью дюймов в длину, одну и три восьмых в ширину и четверть дюйма в толщину. Работа выполнена тонко, и характерные черты гремучей змеи представлены в совершенстве, голова, к сожалению, не целая, но сохранилось достаточно, чтобы показать, что ее венчало какое-то украшение из перьев, напоминающее то, что так заметно представлено на скульптурных памятниках Юга. Он был найден бережно завернутым в листовую медь при обстоятельствах, которые позволяют с уверенностью утверждать, что это был предмет высокого уважения и, вероятно, поклонения.

Несмотря на отмеченное поразительное сходство в элементарных религиях старого и нового света и не менее замечательные совпадения в их символических системах, мы вряд ли готовы обнаружить в Америке то специфическое сочетание, которое занимает столь заметное место в ранних космогониях и мифологиях Востока и которое составляет основу этих исследований, а именно составной символ Змеи и Яйца. Следует признать, что в тех немногих скудных и несовершенных отчетах, которые у нас есть о представлениях о космогонии, которых придерживаются американские нации, у нас нет четкого намека на это. Символика слишком утонченна и абстрактна, чтобы быть принятой кочующими, дикими племенами, и мы можем искать ее, если вообще можем, только у более цивилизованных народов центральной части континента, где религия и мифология считаются понятной системой. И здесь мы должны сразу же выразить сожаление и порицание худшему, чем варварское рвение испанских завоевателей, которые, не довольствуясь уничтожением иллюстрированных записей, ниспровергая и уродуя примитивные памятники этих замечательных народов, исказили те немногие традиции, которые они сохранили, чтобы придать видимую поддержку вымыслам своей собственной религии, и придали священным обрядам аборигенов ужасные и отталкивающие черты, чтобы среди людей, единомышленников по духу, послужить некоторым извинением своей дикой жестокости. Первый епископ Мексики, печально известный Зуманага, не только отдал приказ сжечь все мексиканские рукописи, которые удалось раздобыть, но и отговорил всех людей записывать традиции древних жителей.

Таким образом, пока у нас нет полного и последовательного описания верований и концепций этих народов, на которые можно ссылаться в исследованиях такого рода, мы располагаем лишь отдельными и разрозненными фрагментами, спасенными более поздними руками от общего уничтожения. При таких обстоятельствах мы не можем ожидать найти параллельные свидетельства существования конкретных концепций; иными словами, мы можем обнаружить определенные представления, явно символические и относящиеся к космогонии, мифологии или религии первобытных жителей, и все же тщетно искать среди скудных и искаженных традиций и немногих искаженных графических записей, которые остались нам для побочного подтверждения того значения, которое разум и аналогия могут им придать.

Не предполагается утверждать, что какое-либо отчетливое изображение Змеи и Яйца существует среди памятников Мексики или Центральной Америки; что могут раскрыть будущие исследования, еще предстоит выяснить. Если до настоящего времени мы оставались в глубоком неведении о существовании рассматриваемого грандиозного памятника в одном из самых густонаселенных штатов, то какие сокровища древности еще могут быть спрятаны в крепостях центральной части континента!

Часто говорили, что каждая черта религии Нового Света, открытая Кортесом и Писарро, указывает на происхождение, общее для суеверий Египта и Азии. Всех их отличает одно и то же поклонение солнцу, одни и те же пирамидальные памятники и одна и та же Офиолатрея.

Акоста говорит: “храм Вицилипуцли был построен из огромных камней в виде змей, привязанных одна к другой, и этот круг назывался "кругом змей", потому что стены ограды были покрыты фигурами змей. Вицилипуцли держал в правой руке посох, вырезанный в форме змеи, и каждый из четырех углов ковчега, в котором он сидел, заканчивался резным изображением головы змеи. По бокам от бога выступали головы двух змей, а его правая рука опиралась на посох, подобный змеиному. Мексиканский век был представлен кругом с солнцем в центре, окруженным символами годов. Окружность представляла собой змею, скрученную в четыре узла по сторонам света”.^[11]

Мексиканский месяц был разделен на двадцать дней; змея и дракон символизировали два из них. В Мексике также был храм, посвященный Богу Воздуха, и дверь в него была сделана так, чтобы напоминать змеиную пасть.^[12]

Среди прочего, Питер Мученик упоминает большого идола-змею в Кампичи, сделанного из камней и битума, в момент пожирания мраморного льва. Когда испанцы впервые увидели его, он был теплым от крови человеческих жертв.

“Древняя живопись и скульптуры изобилуют свидетельствами мексиканской Офиолатрии и доказывают, что едва ли существовало мексиканское божество, которое не символизировалось бы змеей или драконом. Многие божества появляются со змеями в руках, а маленькие фигурки жрецов изображены со змеей на каждой голове. Это сильно напоминает нам о жрецах египетской Исиды, которые изображены на скульптуре со священным аспидом на голове и шишкой в левой руке. И чтобы подтвердить изначальную взаимную связь всех змеепоклонников по всему миру - мексиканские рисунки, а также египетские и персидские иероглифы описывают офитскую иерограмму переплетенных змей почти во всех ее разновидностях. Очень примечательная из них находится в коллекции скульптур М. Алларда; в которой образующие ее драконы держат во рту головы людей. Мексиканские боги часто изображаются сражающимися со змеями и драконами; и боги, а иногда и люди, изображаются беседующими с одними и теми же отвратительными существами. В самом деле, едва ли в тайне Офиолатреи есть что-то такое, чего нельзя было бы распознать в мексиканских суевериях.

“Таким образом, мы видим, что в королевстве Мексика змей был священным и символизировал не одного, а нескольких богов: наблюдение, которое можно распространить почти на все другие народы, поклонявшиеся символическому змею. Это замечательный и ценный факт, и он обнаруживает у офиолатреи еще одну черту ее аборигенного характера. Ибо это доказывает, что змей был символом внутренней божественности, а не просто представителем особых свойств, которые принадлежат одним богам, а не другим”.^[13]

Из того, что было представлено, будет видно, что символ змеи был широко распространен в Америке, особенно среди полудициализованных народов; что он широко вошел в их символические представления, и это значение было по существу таким же, как то, которое придавалось ему у ранних народов старого континента. Таким образом, на основании идентичности, которую мы наблюдали в элементарных религиозных концепциях Старого и Нового Света, и поразительного единообразия в их символических системах, мы считаем

оправданным приписывать символическому Змею и Яйцу из Огайо значение, в корне совпадающее с тем, которое приписывалось аналогичному составному символу у примитивных народов Востока. Этот вывод дополнительно подтверждается характером некоторых религиозных сооружений старого континента, в которых мы находим символическую змею и яйцо или круг, представленные в самом гигантском масштабе. Аналогия, вероятно, не могла бы дать более решающего подтверждения, если бы не демонстрировала другие структуры, в которых должно существовать не только общее соответствие, но и абсолютная идентичность. Такую идентичность было бы неразумно искать даже в работах одних и тех же людей, построенных в соответствии с общим замыслом.

Может показаться, что рискованное предположение о том, что символические Змея и Яйцо из Огайо явно отсылают к специфическим представлениям о космогонии, преобладавшим у народов Востока, вряд ли согласуется с осторожностью, которая должна быть характерна для исследований такого рода, по той причине, что невозможно привести убедительные дополнительные доказательства того, что подобные представления были у какой-либо из американских наций. У нас уже было достаточно оснований сожалеть об отсутствии письменных свидетельств и беспристрастно сохраненных традиций; и если дальнейшие исследования не принесут нам неожиданных результатов, недостаток может существовать всегда. Но мы должны помнить, что ни в каком отношении люди не проявляют большего упорства, чем в сохранении своих рудиментарных религиозных верований и ранних концепций. По словам одного исследователя—философа, “Из всех исследований, которые наиболее эффективно помогают нам раскрыть происхождение нации или народа, история которого погружена во мрак древних времен, ни одно, возможно, не сопровождается такими важными результатами, как анализ их теологических догм и религиозной практики. Человечество с величайшим упорством придерживается таких вопросов, которые, хотя и изменяются и искажаются в ходе смены эпох, все еще сохраняют черты своей первоначальной конструкции, когда язык, искусства, науки и политические учреждения больше не сохраняют четкие черты своих древних конституций”.[14]

Поразительный пример истинности этих замечаний приводится в религии Индии, которая и по сей день, несмотря на смену времени и империи, разрушения в результате иностранных и гражданских войн и постоянное добавление аллегорических вымыслов (более пагубных для примитивной системы, чем все остальные причины, вместе взятые), все еще сохраняет свои первоначальные черты, которые легко узнаваемы и которые отождествляют ее с религиями, господствовавшими в монументальном Египте, на равнинах Ассирии, в долинах Греции, у более суровых народов вокруг Каспия, и среди их предков. родственные племена на суровых берегах Скандинавии.

Это упорство не менее поразительно проиллюстрировано тщательным сохранением обрядов, фестивалей и сценических представлений, которые возникли из представлений, которые давно устарели и теперь забыты. Очень немногие из присутствующих на ежегодном первомайском празднике, отмечавшемся несколько лет назад в этой стране, и очень немногие из тех, кто читал о нем, знают, что это было всего лишь увековечиванием весеннего солнечного праздника Ваала и что шест с гирляндами в древности был фаллической эмблемой.

ГЛАВА VII.

Египет как дом поклонения Змеям—Тот считается основателем Офиолатрии—Кнеф, Архитектор Вселенной—Тайны Исиды—Таблица Исаика—Частота символа Змеи—Сераписа—В храмах Луксора и т.д.—Открытие на Мальте—Египетский василиск—Мумии—Браслеты—Кадуцей—Храм Кнефа в Элефантине—Фивы—История священника—Роспись в гробнице в Бибане в Малук—Пококе в Рейни.

Египет, из всех древних народов наиболее известный своим идолопоклонством, в первые дни своего существования был домом особого культа, который мы рассматриваем. Ученый писатель по этому вопросу говорит: “змей вошел в египетскую религию под всеми своими символами — Эмблемы Божественности, Талисмана или Оракула и Бога”. Кнеф, Тот и Исида были заметными и главными среди богов и богинь, символизируемых таким образом, хотя говорят, что он в большей или меньшей степени участвовал в символическом поклонении всем богам.

Санхониатон описывает Тота как основателя поклонения Змеям в Египте, и его обычно считают основателем первых колоний в Финикии и Египте после Всемирного Потопа. Его называли Реформатором религий Египта, и Дин говорит: “Он научил египтян (или, скорее, ту часть своей колонии, которая была обоснована в Египте) религии, которая, принимая во внимание забаизм и офиолатрию, имела также некоторую смесь первобытной истины. Божественный Дух, которого он назвал Кнеф, и описал его как Изначальный, Вечный Дух, пронизывающий все творение, символом которого был змей”.

Жрецы называли Кнефа архитектором вселенной и изображали его в виде змеи с яйцом во рту; змея была его иероглифической эмблемой, а яйцо символизировало мирские элементы, исходящие от него.

После его смерти Тот был, в обмен на услуги, оказанные людям, провозглашен богом здоровья, или врачевания, и таким образом стал прототипом Эскулапа. Его ученость, по-видимому, была велика, и он обучал людей астрономии, морали, иероглифам и письмам. Обычно его изображают опирающимся на сучковатую палку, обвитую змеей.

Мистерии поклонения Исиде изобиловали упоминаниями о змее, и Монфокон говорит, что исаевский стол - медная тарелка, покрытая медной эмалью вперемежку с серебряными пластинами, на которых описывались мистерии, - был украшен змеями во всех частях как эмблемами богини. Конкретная змея, использованная таким образом, была той самой маленькой, хорошо известной как орудие, использованное знаменитой Клеопатрой при самоубийстве, - аспид. Это существо изображено и вырезано на одеяниях священников, тиарах королей, изображении богини. В Британском музее хранится голова этого божества, украшенная короной из них. Мало того, в ее храме хранились живые рептилии, которые, как предполагалось, освящали подношения, ползая среди них.

Как мы уже говорили, змей в значительной степени входил в символическое поклонение всем египетским божествам, и Кнеф, Тот и Исида могут рассматриваться только как три главных.

Дин говорит, что едва ли найдется египетское божество, которое время от времени не символизировалось бы им. Некоторые из этих божеств представлены с соответствующими головами, заканчивающимися змеиными телами. В "Монфоконе", том 2, лист 207, есть гравюра Сераписа с человеческой головой и змеевидным хвостом. Также представлены два других второстепенных бога: один - змеем с головой быка, другой - змеем с лучеобразной головой льва. Второе из них, которое Монфокон считает изображением Аписа, прорезано посередине: вероятно, для того, чтобы повесить на шею, как делали многие другие маленькие фигурки богов, в качестве украшения или амулетов.

Фигура Сераписа, окруженная змеями, встречается на гробницах. Появление змей на гробницах было очень распространенным явлением. На урне Эгнатия, Никифораса и Гербасии Климены, выгравированной в Монфоконе, том 5, изображен молодой человек, обвитый змеей, падающий головой на землю. В урне Herbasia Clymene углы украшены фигурами змей. Это странное совпадение, что существо, через которое, как считается, в мир пришла смерть, было посвящено древнейшими языческими идолопоклонниками вместилищу мертвых. Примечательно также, что египтяне считали, что Серапис властвует над злыми демонами, или, другими словами, был таким же, как Плутон или сатана.

На некоторых египетских храмах змея была явно изображена как эмблема, посвященная богослужению. Таким образом, он встречается в Луксоре, Комомбу, Дендаре, Аполлинополисе и Эсне. Памфилийский обелиск также носит его много раз — как говорят, пятьдесят два, — и, согласно Пококу, на каждой из колонн храма Гава он изображен дважды.

Все авторы, писавшие на эту тему, отмечали вариации формы, в которой змей появлялся на египетских памятниках, и подчеркивали это как указание на большое уважение, с которым к нему относились. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что он считался символом божественной мудрости, могущества и творческой энергии; бессмертия и возрождения через сбрасывание собственной кожи; и вечности, когда он был представлен в акте кусания собственного хвоста.

Один писатель говорит, что мир был представлен кругом, пересеченным двумя диаметрами, перпендикулярными друг другу, которые, согласно Евсевию, были диаметрами змей. Яблонски говорит, что змеей была только окружность.

Кирхер говорит, что стихии (или, скорее, то, что так считалось в древние времена) были представлены змеями. Земля символизировалась расprostертой двурогой змеей; вода - змеем, двигающимся волнообразно; воздух - выпрямившимся змеем, шипящим; огонь - аспидом, стоящим на хвосте и несущим на голове земной шар. "Из этих иероглифов, - замечает Дин, - ясно, что змей был наиболее выразительным символом божественности у египтян".

Здесь заслуживает внимания гравюра в Монфоконе, том 2, стр. 237, иллюстрирующая ту огромную степень, в которой почитание змеи когда-то преобладало в Египте. В 1694 году в старой стене Мальты была обнаружена золотая пластина, предположительно спрятанная там ее владельцами в то время, когда все идолопоклонническое уничтожалось как отвратительное. Монфокон говорит: "Эта пластина была завернута в золотую шкатулку; она состоит из двух длинных рядов, на которых изображено очень большое количество египетских божеств,

большинство из которых имеют головы какого-нибудь зверя или птицы. Также видно множество змей вперемешку, руки и ноги богов заканчиваются змеиными хвостами. У первой фигуры на спине длинный панцирь со змеей на нем; в каждом ряду изображена змея, распростертая на алтаре. Среди фигур священного ряда видна Изида довольно хорошей формы. Эта же табличка, без сомнения, содержит самые глубокие тайны египетских суеверий”.

Вряд ли имеет значение, куда мы смотрим в Египте, этот же символ змеи встречается в композиции всего, будь то украшения, полезные или церковные предметы. Василиск, самая ядовитая из всех змей, считавшийся царем вида и названный в честь ханаанского бога-оракула ОБ или УБ, изображался на монетах с лучами на голове, подобными короне; вокруг монеты было начертано “Агатодемон”. Говорят, император Нерон в “безумии своего тщеславия” приказал отчеканить несколько таких монет с надписью “Новый Агатодемон”, что означает его самого.

Египтяне так почитали василисков, что делали их изображения из золота, освящали и помещали в храмах своих богов. Брайант считает, что они были такими же, как Thermuthis, или смертоносный аспид. Говорят, что египетские жрецы сохраняли этих существ, выкапывая для них ямы в углах своих храмов, и частью их суеверия была вера в то, что всякий, кто был случайно укушен ими, был облагодетельствован богом.^[15]

Далее Дин упоминает, что змею иногда находят изваянной и прикрепленной к груди мумий; но то ли с целью талисманной безопасности, то ли как указание на жречество Исиды, сомнительно. Женская мумия, вскрытая месье Пассалакуа в Париже несколько лет назад, была украшена ожерельем из змей, вырезанных из камня.

Браслеты в виде змей носили греческие женщины во времена Клемента Александрийского, который так осуждает эту моду: “Женщины не стыдятся носить на себе самые разнообразные символы лукавого; ибо, как змей обманул Еву, так и золотая безделушка в виде змеи вводит женщин в заблуждение”. Дети тоже носили такие же веночки.

Мы не должны упускать из виду Кадуцей, который, как говорят, является одним из самых ярких примеров талисманного змея. Согласно Монфокону, Кирхену и другим, представление о том, что это принадлежало исключительно Гермесу или Меркурию, ошибочно, поскольку это можно увидеть на руке Кибелы, Минервы Амебис, Геркулеса Огмия и персонифицированного созвездия Девы, символ которого, по словам Лукиана, был у пифийской жрицы.

Кадуцей, представленный в основном по-разному, всегда сохранял оригинальный дизайн крылатого жезла, обвитого двумя змеями. Иногда его находят без крыльев, но никогда без змей; разновидности заключаются главным образом в количестве складок, образованных змеиными телами вокруг жезла, и взаимном расположении крыльев и змеиных голов. Считалось, что он способен парализовать разум и воскрешать мертвых.

Кирхен говорит, что Кадуцей первоначально был обозначен простой фигурой креста, которой, как говорят, ее изобретатель Тот символизировал четыре элемента, исходящие из общего центра.

“Офиолатрея, ” говорит Дин, - пустила в Египте такие глубокие корни, что змей не просто считался символом божественности, но даже почитался как инструмент оракула. У жрецов храма Исиды было серебряное изображение змеи, сконструированное таким образом, чтобы присутствующий мог двигать ее головой, оставаясь незамеченным молящимся прихожанином.

Но египетское суеверие не удовлетворялось поклонением божеству через его эмблему - змею. Бессмысленный идолопоклонник вскоре преклонился перед самым символом и стал поклоняться этой рептилии, представителю человеческой энергии, как богу”.

В дополнение к храму великого бога-змея Кнефа в Элефантине, в Фивах существовал известный храм Юпитера, где практика Офиолатрии была распространена очень широко. Геродот пишет: “В Фивах есть две змеи, никоим образом не причиняющие вреда людям; небольшого размера, с двумя рогами, торчащими из макушки головы. Они хоронят их мертвыми в храме Юпитера, ибо говорят, что они священны этому богу”. Элиан говорит: “Во времена Птолемея Эвергета в храме Эскулапа в Александрии хранилась очень большая змея, а в другом месте хранилась живая змея огромной величины, которой поклонялись с божественными почестями; по имени этого места он назвал Мелите”. Он рассказывает следующую историю: “У этого змея были жрецы и служители, стол и чаша. Жрецы каждый день приносили в священную комнату лепешку из муки и меда, а затем удалялись. Возвращаясь на следующий день, они всегда находили чашу пустой. Однажды один из жрецов, которому очень хотелось увидеть священную змею, зашел туда один и, поставив пирог на стол, удалился. Когда змей взошел на стол для своего пиршества, вошел священник, с большой силой распахнув дверь, после чего змей удалился в великом негодовании. Но вскоре после этого священника охватило психическое расстройство, и, признавшись в своем преступлении, он онемел и чах до самой смерти”.

В таблицах египетских иероглифов Хьюарта мы видим жреца, приносящего жертву змею. То же самое происходит и в таблице Isiac.

“В гробнице в Бибане, в Малуке, находится прекрасная картина, описывающая обряды Офиолатрии. Исполняющий обязанности жрец изображен с мечом в руке, а три обезглавленные жертвы стоят на коленях перед огромной змеей. Исида изображена сидящей под аркой, образованной телом змеи, а священный аспид с человеческим лицом находится позади нее, восседающий на хвосте змеи. Эта картина доказывает, что змей был умиловлен человеческими жертвами”.^[16]

Примечательно, что в Египте, как и в Финикии и других местах, поклонение змеям не было уничтожено сразу же с распространением христианства. Гностики объединили это с религией креста, и цитата из епископа Покока будет здесь наиболее уместной и интересной.

“Мы приехали в Реньи, где религиозный шейх знаменитого Эреди встретил нас на берегу реки. Он отправился с нами в грот змеи, о котором так много говорили под именем шейха Хереди, о котором я расскажу вам подробно, чтобы показать глупость, легкое верие и суеверие этих людей; ибо христиане верят в него так же, как и турки. Мы поднялись между скалистыми горами на полмили и подошли к той части, где долина открывается шире. Справа находится мечеть, построенная с куполом над ней, у скалы, как место захоронения шейха. Там есть большая расщелина в скале, из которой, как говорят, выходит змей. В мечети есть гробница на турецкий манер, которая, как они говорят, является могилой Хереди, что наводит на мысль, что там похоронен один из их святых, и что они предполагают, что его душа может быть в змее, потому что я заметил, что они подошли и поцеловали могилу с большим благоговением и помолились над ней. Напротив этой расщелины есть другая, которая, как говорят, является гробницей Оглы Хасана, то есть Хасана, сына Хереди; есть еще две расщелины, в которых, как говорят, обитают святые или ангелы. Шейх сказал мне, что таких змей было две, но общепринято считать, что существует только одна. Он сказал, что она была там со времен Магомета. По форме он похож

на других змей этой безобидной породы. Он выходит только в течение четырех летних месяцев, и говорят, что ему приносят жертвы. Шейх отрицал это и утверждал, что они принесли только ягнят, овец и деньги, чтобы купить масла для ламп, но я видел много крови и внутренностей животных, недавно убитых перед дверью.

Эти истории настолько нелепы, что их не следовало бы повторять, если бы они не приводили пример идолопоклонства в тех краях в этом отношении, хотя магометанская религия, по-видимому, очень далека от нее в других вещах. Они говорят, что достоинство этого змея в том, что он излечивает все болезни тех, кто обращается к нему.

“Они также полны рассказов о том, что, когда несколько женщин приходят туда раз в год, он проходит мимо, смотрит на них, подходит и обвивает шею самой красивой.

“Я был удивлен, услышав, как серьезный и разумный христианин сказал, что он всегда излечивал любые болезни, но за этим последовало еще худшее. И некоторые действительно верят, что он творит чудеса, и говорят, что это дьявол, упомянутый в книге Товита, которого ангел Гавриил изгнал в самые отдаленные уголки Египта”.

Епископ придерживается мнения (к которому присоединяются другие), что вышеупомянутое суеверие является пережитком древней Офиолатрии.

ГЛАВА VIII.

Происхождение названия “Европа”—Греция, колонизированная офитами—Многочисленные следы Змеи в Греции—Поклонение Вакху—История Эриктония—Пирры вакханок—Минерва—Доспехи Агамемнона—Змеи в Эпидавре—История эпидемии в Риме—Дельфы—Магомет в Атмейдане.

Брайант и Фабер оба получили название “Европа” от “Аур-аб, солнечного змея”. “Верно это или нет, - говорит Дин, - но несомненно, что Офиолатрея преобладала в этой части земного шара в самый ранний период идолопоклонства. Говорят, что первые обитатели Европы были потомками женщины, частично человека, частично дракона, и эта традиция указывает на их офитское происхождение.

“Из европейских стран Греция была первой колонизирована офитами, но в разное время, как из Египта, так и из Финикии; и вызывает некоторые сомнения, хотя, возможно, и не имеет большого значения, был ли глава первой колонии, знаменитый Кадм, финикийцем или египтянином. Бочарт показал, что Кадм был вождем хананеев, бежавших от рук победоносного Иисуса Навина; а Брайант доказал, что он был египтянином, идентичным Тоту. Но поскольку простые

имена отдельных лиц не имеют значения, когда все согласны с тем, что одно и то же суеверие существовало одновременно в двух странах, и поскольку Санхониафан объявляет Тота отцом финикийской, а также египетской Офиолатреи, мы можем попытаться без всякой самонадеянности согласовать мнения этих ученых авторов, предположив, что каждый прав в своей линии аргументации”.

В Греции сохранились многочисленные следы поклонения змею — когда-то это было настолько распространено, что Юстин Мученик заявил, что люди посвящали его в мистерии всех своих богов. Конечно, хорошо известно, что в мистериях и эксцессах Бахуса он сыграл заметную роль. Люди носили их переплетенными на головах и, держа в руках, размахивали ими, громко крича: “эния, эния”. Символом вакхических церемоний была освященная змея, и в процессиях отряд девственников из благородных семей нес рептилию с золотыми корзинами, в которых были кунжут, медовые лепешки и крупинки соли - предметы, особо связанные с поклонением змеям. Первый можно увидеть в Британском музее в руках священников, преклонивших колени перед священным змеем Египта. Медовые лепешки, согласно Геродоту, преподносились раз в месяц в качестве угощения священному змею в Афинском Акрополе.

Говорят, что самой замечательной чертой вакхических оргий был мистический змей. “Тайна религии во всем мире была сокрыта в сундуке или шкатулке. Подобно тому, как у израильтян был свой священный ковчег, у каждого народа на земле было какое-нибудь священное вместилище для священных вещей и символов. История Эриктония иллюстрирует это замечание. Он был четвертым царем Афин, и его тело заканчивалось змеиными хвостами вместо ног. Минерва положила его в корзину, которую она подарила дочери Кекропса, со строгим наказом не открывать ее. Здесь мы имеем дело с легендой, созданной на основе простого факта о таинственной корзине, в которой несли священного змея во время оргий Вакха. Вся легенда связана с Офиолатреей. В соответствии с общепринятой практикой, поклоняющиеся Бахусу носили в своих освященных корзинах или сундуках Тайну своего Бога вместе с подношениями”.[17]

На пирах вакханок, или, скорее, после них, было принято разносить чашу, которая называлась “чашей доброго деймона”. Символом этого деймона был змей, изображенный на медалях города Дионисополь во Фракии. На одной стороне были изображены головы Гордиана и Сераписа, на другой - свернувшаяся кольцом змея.

Змей был в значительной степени замешан на поклонении многим другим греческим божествам. Статуи Минервы работы Фидия изображают ее украшенной этой эмблемой. На древних медалях, как показано Монфоконом, она иногда держит кадуцей в правой руке; в других случаях у нее в руках посох, вокруг которого обвивается змея, а на других изображен большой змей, идущий перед ней; в то время как иногда ее видят с гербом, состоящим из змеи. Примечательно также, что в Афинском Акрополе хранилась живая змея, которая обычно считалась хранительницей этого места, а Афины были городом, специально посвященным Минерве.

Примеры греческой офиолатреи можно было бы легко привести в значительном количестве, но у нас есть место лишь для краткого ознакомления. Известно, что на стенах Афин была изображена голова Медузы, в волосы которой были вплетены змеи, а в храме в Теге была подобная фигура, которая, как предполагалось, обладала магической силой сохранять или разрушать. Гравюра в Монфоконе изображает лицо Медузы кротким и прекрасным, а змей -

угрожающим и ужасным. Ходит легенда, что жрица, вошедшая глубокой ночью в святилище Минервы, увидела видение этой богини, которая подняла свою мантию, на которой была изображена голова Медузы, и что вид этого устрашающего предмета мгновенно превратил незваную гостью в камень.

Доспехи Агамемнона, царя Аргоса, были украшены трехглавой змеей; у Менелая, царя Спарты, на щите была такая же, а спартанцы вместе с афинянами утверждали, что они змеиногo происхождения и называли себя *офиогенами*.

В Эпидавре, согласно Павсанию, слуги держали и регулярно кормили живых змей, которые из религиозного благоговения боялись приближаться к священным рептилиям, которые сами по себе были самого безобидного характера. Статуя Эскулапа в этом храме изображала его, кладущего одну руку на голову змеи, в то время как его сестра Гигея обвиняла одну руку вокруг себя. Сообщается, что бог Эскулапий был перенесен женщиной по имени Никагора, женой Эхетима, на Сикион в виде змеи.

Ливий, Овидий, Флор, Валерий Максим и Аврелий Виктор рассказывают, что однажды в Риме разразилась чума жестокого и фатального характера и что дельфийский оракул посоветовал отправить посольство в Эпидавр за богом Эскулапом. Этот совет был принят, и отряд из одиннадцати человек был отправлен со смиренными просьбами сената и народа Рима. Пока они смотрели на статую бога, змей, “почтенный, а не ужасный”, как говорят эти авторы, который появлялся редко, но когда намеревался принести какую-нибудь экстраординарную пользу, выскользнул из своего укрытия и, пройдя через город, направился прямо к римскому кораблю и свернулся кольцом на койке главного посла Огульния. Отплыв вместе с богом, они должным образом прибыли из Антиума, когда змей прыгнул в море и поплыл к ближайшему храму Аполлона, а через несколько дней вернулся. Но когда они вошли в Тибр, он прыгнул на остров и исчез. Здесь римляне воздвигли ему храм в форме корабля, и эпидемия чумы была остановлена с поразительной быстротой.

Дельфы, по-видимому, были главным оплотом поклонения змеям в Греции. Страбон говорит, что его первоначальное название было Пифо - производное от змея Пифона, убитого там Аполлоном. Из этой истории Хайнсиус делает вывод, что богу Аполлону впервые поклонялись в Дельфах под символом змеи. Известно, что публичные собрания в Дельфах назывались Pythia, изначально они предназначались для поклонения Питону.

У Гиббона и в *турецких летописях* есть интересный материал о змеевидной колонне. В первом говорится, что он был перевезен из Дельф в Константинополь основателем последнего города и водружен на колонну на Ипподроме. Монфокон, однако, считает, что Константин всего лишь приказал изготовить подобную колонну, и что оригинал остался на своем месте. Дин говорит: “Эту знаменитую реликвию Офиолатреи все еще можно увидеть на том же месте, где ее установил Константин, но одна из змеиных голов изуродована”.

Из *Анналов* мы получаем следующее объяснение этого запроса. “Когда Магомет пришел в Атмейдан, он увидел там каменную колонну, на которой был изображен трехглавый медный змей. Посмотрев на него, он спросил: ‘Что это за идол?’ - и в то же время, с огромной силой швырнув свою железную булаву, снес нижнюю челюсть одной из голов змеи. После чего в городе сразу же стало появляться огромное количество змей. После чего некоторые посоветовали ему впредь оставить этого змея в покое, поскольку благодаря этому изображению

в городе не было змей. Поэтому эта колонна сохранилась и по сей день. И хотя из-за того, что у медного змея была отрублена нижняя челюсть, некоторые змеи действительно проникают в город, все же они никому не причиняют вреда”.

Комментируя эту историю, Дин замечает: “Эта традиционная легенда, сохраненная Леунклавием, отмечает оплот, который Офиолатрия, должно быть, захватила в умах жителей Константинополя, чтобы эта история дошла до такой поздней эпохи, как семнадцатый век. Среди греков, прибывших в Константинополь, было много приверженцев старой религии, которые умышленно передавали любую легенду, благоприятствующую их собственному суеверию”. Вероятно, поэтому упомянутое выше очарование было придано ими дельфийскому змею на колонне Ипподрома и возрождено (после частичного искажения фигуры) их потомками, простыми людьми, которые всегда последними в любой стране отказываются от древнего суеверия. Среди простых людей Константинополя в душе всегда было гораздо больше язычников, чем христиан. Следовательно, к христианской религии, которую они исповедовали, примешивались многие языческие традиции, которые были связаны с памятниками древности, украшавшими Византию, или были завезены в Константинополь.

ГЛАВА IX.

Офиолатрея в Британии—Друиды—Гадюки—Поэма Талиессина—Богиня Керидвен—Поэма бардов—Змеиные камни—Ангуинум—Казнь римского рыцаря—Остатки Змеиного храма в Абери—Следы Змеи в Ирландии, большая редкость—Святой Патрик.

Вероятно, для многих это будет сюрпризом, но факт остается фактом: даже в Британии в древние времена в значительной степени преобладала офиолатрея. Дин говорит: “Наши британские предки под руководством достойных друидов не только поклонялись солнечному божеству, символизируемому змеей, но и относились к змею, независимо от его отношения к солнцу, с особым почтением. Отрезанные от всех сношений с цивилизованным миром отчасти из-за своей удаленности, отчасти из-за своего национального характера, бритты сохраняли свое примитивное идолопоклонство еще долго после того, как в соседних странах оно уступило место политеистическому развращению Греции и Египта. Однако со временем боги галльских друидов проникли в священную мифологию британцев и стали олицетворениями различных атрибутов бога-дракона Ху. Это божество называлось “Дракон-правитель мира”, а его колесница была запряжена змеями. Его жрецы, в соответствии с общим обычаем офитского бога, были названы в его честь “Гадюками”.[18]

В стихотворении Талиессина, переведенном Дэвисом, в его Приложении № 6, приводится следующий перечень титулов друида:—

“Я Друид; я архитектор; я пророк; я змей” (Gnadr).

От слова “Gnadr” происходит “гадюка”, название вида змей. Gnadr, вероятно, произносилось как “гадюка” с помощью назального аспирата.

Мифология друидов также содержала богиню Керидвен, чью колесницу тянули змеи. Высказывается предположение, что это была греческая “Церера”, и не без оснований, поскольку интересное общение между британскими и галльскими друидами внесло в более чистую религию первых многие искажения, привитые греками и римлянами религии последних. У галльских друидов было много божеств, соответствующих божествам Греции и Рима. Они поклонялись Огмиусу (составному божеству между Геркулесом и Меркурием), а после него Аполлону, Марсу, Юпитеру и Минерве или божествам, похожим на них. Из них они делали изображения, тогда как до сих пор единственным изображением в британском богослужении был большой плетеный идол, в который они воткнули человеческие жертвы, предназначенные для сожжения в качестве искупительной жертвы за грехи какого-нибудь вождя.

Следующий перевод поэмы бардов, описывающей один из их религиозных обрядов, отождествляет суеверие британских друидов с аборигенной Офиолатреей, выраженной в мистериях Исида в Египте. Стихотворение озаглавлено “Элегия Утера Пендрагона”, то есть об Утере, “Голове дракона”; и не мало примечательно, что слово “Драйг” в британском языке означает одновременно “огненный змей, дракон и Верховный Бог”.^[19]

Во второй части этого стихотворения приведены следующие жертвенные обряды Утера Пендрагона:—

“С торжественным празднованием вокруг двух озер:
С озером рядом со мной;
С моей стороны,двигающейся вокруг святилища;
Пока святилище искренне призывает
Парящего Короля, перед которым Прекрасная
Отступает за завесу, прикрывающую огромные камни;
Пока Дракон кружит над
местами, где стоят сосуды для
возлияний:
Пока возлияние в Золотых Рогах;
Пока золотые рога в руке;
Пока нож направлен на главную жертву;
Искренне я умоляю тебя, о победоносный Колокол, и т.д., и т.п.”

Это самый подробный и интересный рассказ о религиозных обрядах друидов, ясно доказывающий их пристрастие к Офиолатрии: ибо у нас есть не только история о “Скользящем короле”, который преследует “Прекрасную”, изображенную на “завесе, покрывающей огромные камни” — история, которая наиболее убедительно напоминает нам о событиях в Раю, облаченная в поэтическое одеяние; но у нас есть также под этой завесой, в священном круге “огромных камней”, “Великий дракон, Живой Змей”, передвигающийся по местам, где обитают змеи. которые содержат сосуды для возлияния; или, другими словами, двигаясь вокруг алтарного камня таким же образом, как змея в мистериях Исиака обходила священные сосуды с приношениями.

Золотые рога, в которых хранились подношения к напитку, весьма вероятно, были того же вида, что и найденные в Тундере, в Дании.

Святость змеи проявилась в другой очень любопытной части суеверий британских друидов, а именно в том, что касалось образования и достоинств знаменитого *anguinum*, как его называет Плиний, или *gleinen nadroeth*, то есть “змеиных камней”, как их называли бритты. Сэр Р. К. Хоар в своей книге “Современный Уилтшир, Сотня Эймсбери” приводит гравюру одного из них и говорит: “Это голова несовершенной остекления, представляющая собой две круглые линии непрозрачного светового люка и белого цвета, которые, по—видимому, представляют змею, обвившуюся вокруг перфорированного центра”. Мистер Левид, валлийский антиквар, в письме Ральфу Торнли пишет: “Я полностью убежден, что это были амулеты друидов. Я видел один из них, на котором было девять маленьких змей. Есть другие, на которых есть одна, две или более змей”.

От римского авторитета (Плиния) до нас дошла история о том, что рыцарь, явившийся в суд с ангиной на шее, по приказу Клавдия был предан смерти, поскольку считалось, что это ненадлежащим образом повлияет на вынесение решения в его пользу.

Этого *anguinum* (слово, производное от *anguis*, змея) Плиний говорит: “Бесконечное количество змей, сплетающихся вместе в летнюю жару, сворачиваются в массу, и из слюны на их челюстях и пены на их телах образуется яйцо, которое называется *anguinum*. Под яростное шипение змей яйцо подбрасывается в воздух, и Друид, которому суждено его сохранить, должен поймать его своим священным одеянием, прежде чем оно достигнет земли”.

Информацию о распространенности этого суеверия в Англии можно найти в “Мифах друидов” Дэвиса, “Британии” Камдена и “Корнуолле”.

Пожалуй, самые замечательные из всех британских реликвий этого культа находятся на холмах, возвышающихся над деревней Эйбери в графстве Уилтшир. Там, в двадцати шести милях от знаменитых руин Стоунхенджа, находятся остатки огромного Змеевидного храма — одного из самых внушительных и, безусловно, одного из самых интересных памятников Британских островов. Впервые он был точно описан доктором Стакли в 1793 году в его знаменитой работе под названием *Эйбери, храм британских друидов*. Впоследствии он был тщательно изучен сэром Р. К. Хоаром и опубликован в его тщательно разработанном труде “Древний Уилтшир”. Доктор Стакли был первым, кто обнаружил конструкцию сооружения, и его выводы были подтверждены наблюдениями каждого антиквара, сменившего его.

Храм Эйбери первоначально представлял собой грандиозное земляное сооружение диаметром 1400 футов, занимавшее площадь свыше двадцати двух акров. У него есть внутренний ров, а высота насыпи, измеряемая от дна рва, составляет семнадцать футов. Он довольно правильный, хотя и не имеет точной формы круга, и имеет четыре входа на равном расстоянии друг от друга, хотя и почти под прямым углом друг к другу. Внутри этого большого круга первоначально были два двойных или концентрических круга, сложенных из массивных вертикальных камней: ряд больших камней, числом сто, был уложен на внутреннем краю рва. По обе стороны от этого грандиозного центрального сооружения тянулись параллельные ряды огромных вертикальных камней, образуя с каждой стороны аллеи длиной более мили. Они образовывали тело змеи. Каждая аллея состояла из двухсот камней. Голова змеи была представлена овальной структурой, состоящей из двух концентрических рядов вертикальных камней; внешняя линия

содержала сорок, внутренняя - восемнадцать камней. Этот мыс покоится на возвышенности, известной как Овертон, или Хакпен-Хилл, с которой открывается вид на все сооружение, уходящее назад более чем на две мили до конца, в сторону Бекхэмптона.

Хакпен на древнебританских диалектах означало *хак*, змея, а *перо* - голова, т.е. Голова Змеи. "Наше имя *Хакпен*, - говорит Стакли, - отсылает к *очиму*, названному в нашем переводе "унылыми созданиями". Ис. (13, ст. 21), говоря об опустошении Вавилона, говорит: "Дикие звери пустыни будут лежать там, и дома их будут полны *очимов*, и совы будут жить там, и сатиры будут танцевать там". Святой Иероним переводит это как "змеи". Арабы называют змею *Хайе*, а древесных змей *Хагешин*; отсюда наше *Хакпен*; *Пен* по-британски означает "голова".

"То, что приверженцы Офиолатрии проникли во все части Британии, вероятно, исходя из пережитков подобного идолопоклонства, которые даже сейчас можно найти в Шотландии и на западных островах. В окрестностях Абердина, Данди и Перта сохранилось несколько обелисков, на которых видны устройства, явно указывающие на офиолатрию. Они выгравированы в "*Септентрионариуме*" Гордона. Змея - частый и заметный иероглиф. Судя по руническим знакам, начертанным на некоторых из этих камней, можно предположить, что они были возведены датчанами. Возможно, так оно и было; но сами датчане были сектой офитов, и если бы жители страны тоже не были офитами, они, возможно, не допустили бы, чтобы эти памятники сохранились".

Останков, указывающих на наличие культа змей в Ирландии, крайне мало, но мы должны помнить распространенную в стране историю, принятую как правдивую подавляющим большинством ее жителей, о том, что святой Патрик своими молитвами изгнал всех змей из Ирландии. В конце концов, это может означать не что иное, как то, что своей проповедью он опрокинул и искоренил суеверные обычаи змеепоклонников своего времени.

ГЛАВА X.

Индия, заметная в истории поклонения змеям—Нагпур—Исповедь змеепоклонника—Садовники Гузерата—Домики для змей в Каликуте—Праздник Змей—Божество Хари—Гаруда—Змея как эмблема бессмертия.

В ходе этой работы у нас часто была возможность ссылаться на Индию как на родину рассматриваемого нами особого культа, и, возможно, эту страну справедливо поставить в один ряд с Египтом из-за множества иллюстраций, которые она дает к тому, что мы стремимся прояснить.

Мистер Риветт-Карнак, статью которого в журнале Бенгальского азиатского общества мы уже цитировали, говорит: "Дворец Бхонслов в Бенаресе привел меня в Нагпур, где много лет назад я

начал делать, с небольшим успехом, несколько грубых заметок о поклонении змеям.

Просматривая некоторые старые наброски, я нахожу, что Махадео в старейших храмах Нагпура увенчан Наг, как и в Бенаресе. А в старом храме рядом с дворцом Нагпура, или городом Наг, или кобры, находится искусно свернутая пятиглавая змея. Бхонслы, по-видимому, забрали свернутого кольцами Нага с собой в Бенарес. Аналогичное изображение Нага находится в храме возле ворот Итвара в Нагпуре. И здесь Наг, или кобра, безусловно, почитается как Махадео, или фаллос, и есть определенные очевидные моменты, связанные с положением, которое принимает кобра при возбуждении, и расширением капюшона, которые указывают на причину, по которой эта змея, в частности, была принята как изображение фаллоса и эмблема Шивы.

“Поклонение змее очень распространено в провинции старый Нагпур, где, особенно среди низшего класса, многочисленны приверженцы Шивы или Наг Бхушана, ‘того, кто носит змей в качестве украшений’. Вполне вероятно, что город получил свое название от храма Наг, который все еще можно увидеть там, и что река Наг, возможно, получила свое название от города или храма, а не город от реки, как думают некоторые. Несомненно, что многие из кунби, или культивирующего класса, поклоняются змее и только змее, и что это поклонение представляет собой нечто большее, чем обычный суеверный трепет, с которым все индуисты относятся к змее. Я нахожу в своих записях, что один Кунби, которого я допрашивал в старые времена, когда я был офицером поселения в лагере Нагпурской дивизии, заявил, что он поклонялся Нагу и ничему другому; что он поклонялся глиняным изображениям змеи, и когда он мог позволить себе заплатить ловцам змей за то, чтобы они посмотрели на живую змею, он поклонялся живой змее; что если он видел Нага на дороге, он поклонялся ему, и что, по его мнению, ни один индус не убил бы нага или кобру, если бы знал, что это змея. Наг. Затем он дал мне следующий список предметов, которые он использовал бы для поклонения змее, когда мог бы себе это позволить; и я полагаю, этот список аналогичен тому, что использовалось бы при обычном поклонении Шиве. 1—Вода. 2—Гандх, пигмент сандалового дерева для лба или тела. 3—Очищенный рис. 4—Цветы. 5—Листья дерева Бейл. 6—Молоко. 7—Творог. 8—Нитка или кусок ткани. 9 — Красный порошок. 10—Шафран. 11 — Абир, порошок, состоящий из ароматных веществ. 12—Гирлянды цветов. 13—Буттема, или зерно, вымоченное и высушенное. 14—Джоварри. 15—Пять огоньков. 16—Сладости. 17—Листья бетеля. 18—Орех какао. 19— Денежная сумма (в зависимости от средств). 20—Цветы, предлагаемые просящим, ладони рук соединены.

“Все эти предметы, - заверил меня мой информатор, - предлагались змее в регулярной последовательности, один за другим, при этом верующий повторял определенные *мантры* или заклинания. Предложив все эти дары, верующий простирается ниц перед змеей и, прося прощения, если он когда-либо оскорбил ее, желает, чтобы змея продолжала оказывать ему свою милость и защищала его от любой опасности”.

В "*Восточных мемуарах*" Форбса рассказывается о садовниках Гузерата, которые никогда не позволяли беспокоить змей, называя их “отцом”, “братом” и другими знакомыми и ласковыми именами. Главный садовник оказал им религиозные почести. Как говорит Дин, “здесь мы наблюдаем смесь первоначального поклонения Змеям с более современной доктриной переселения душ”.

Еще более поразительной является информация из "*Паломников*" Пурчаса о том, что царь Каликута строил хижины для живых змей, за которыми он ухаживал с особой тщательностью, и

что уничтожение змеи считалось тяжким преступлением для любого человека в его владениях. “Туземцы, - говорит он, - считали змей наделенными божественными духами”.

Затем проводится праздник, называемый “Праздник змей”, на котором каждый верующий, в надежде умиловить рептилий в течение следующего года, кладет часть своего риса для змей в капюшоне снаружи своего дома.

Божества Индии и замечательные храмы и пещеры, такие как в Сальсете и Элефанте, которые можно увидеть в *"Индийских древностях" Мориса*, *"Индуистском пантеоне" Мура*, *"Азиатских исследованиях"*, *"Языческом идолопоклонстве" Фабера* и многих других работах, повсеместно украшены или представлены этим великим символом. Так, мы имеем статую Джейне, индийского Эскулапа, в тюрбане из семиглавой змеи; статую Вишну на скале в Ганге, покоящегося на свернувшейся змее, многочисленные складки которой образуют балдахин над спящим богом; Парус Наут, символизируемый змеей; Джаганнатху поклоняются в виде семиглавого дракона.

Хари, по—видимому, является одним из титулов Вишну — божества в его сохраняющем качестве - и его появление на скале, как только что упомянуто, таким образом, описано в книге Уилкинса *"Хитопадеша"*: "Почти напротив Султан Ганджа, значительного города в провинции Бахар, стоит гранитная скала, образующая небольшой остров в Ганге, известная европейцам под названием 'скала Ичангири', которая в высшей степени заслуживает внимания путешественника из-за огромного количества изображений, вырезанных на каждой части ее поверхности. Среди остальных есть Хари гигантских размеров, возлежащий на свернувшейся кольцами змее, чьи головы (которых множество) художник ухитрился раскинуть в подобие балдахина над спящим богом; и из каждой его пасти высовывается раздвоенный язык, который, казалось, угрожает мгновенной смертью любому, кого опрометчивость заставит потревожить его. Целое почти полностью отделено от блока, на котором оно высечено. Оно прекрасно продумано и выполнено с большим мастерством. Индусов учат верить, что в конце каждой *Кальпы* (творения или формации) все вещи поглощаются Божеством, и что в промежутке между очередным творением он восседает на змее Сеше (длительности), которую также называют Ананта (бесконечностью)".

Мур говорит, что Гаруда был животным — наполовину птицей, наполовину человеком — и был *вааном*, или колесницей Вишну, также младшего брата Аруна. Иногда его описывают так, как наши поэты и художники описывают грифона или херувима; и он помещается у входа в проходы, ведущие в индуистский Эдемский сад, и появляется там в образе ангела-разрушителя, поскольку он сопротивляется приближению змей, которые в большинстве систем поэтической мифологии, по-видимому, были прекрасной, обманчивой, вкрадчивой формой, которую первоначально принял грех. Гаруда женился на красивой женщине; племена змей, встревоженные тем, что его потомство, унаследовав его склонности, одолеет их, вели против него жестокую войну; но он уничтожил их всех, кроме одного, который он повесил в качестве украшения себе на шею. В пещере Элефанта Гаруду часто видят с этим придатком; сохранилось несколько очень старых золотых монет, на которых он изображен со змеями или слонами в когтях и клювах. Разрушитель змей, Нагантека, - одно из его имен.

Он был очень полезен Кришне, очистив местность вокруг Дварки (иначе Дравиры) от диких зверей и ядовитых рептилий. Вишну даровал Гаруде силу уничтожать своих врагов, а также врагов Шивы; также, как правило, тех, кто виновен в постоянной нечистоте, неверующих,

совершающих беззакония, неблагодарных людей, тех, кто клеветает на своих духовных наставников или оскверняет их постели; но запретил ему прикасаться к Брахману, в чем бы ни заключалась его вина, поскольку боль от неповиновения была бы жгучей болью в его горле, и за любым нападением на святого или благочестивого человека последовало бы значительное ослабление сил. Однако по ошибке Гаруда иногда хватал священника или религиозного человека, но в первом случае получал предупреждение и наказывался палящим пламенем и не мог, даже когда связывал его в своем логове, причинить вред набожному человеку.[20] Раме также в войне при Лауке Гаруда был чрезвычайно полезен: в последнем конфликте Рамы с Раваной последний не был побежден без помощи Гаруды, посланного Вишну уничтожить змеиные стрелы Раваны. Эти стрелы называются “Шарпа-вана” (на современном диалекте *сарпа* - змея, искажается в *Саап* или *Самп*, а *вана* - стрела - в *бан*) и обладают способностью разделяться между луком и предметом на множество частей, каждая из которых становится змеей. Вишвамित्रа наделил Раму способностью превращать его стрелы в “Гаруда-ваны”, и они подобным же образом разделились на “стрелы Гаруды”, ужаса и разрушителя *Сарпы*.

Некоторые легенды делают Гаруду отпрыском Кашьяпы и Дити. Эта плодовитая женщина снесла яйцо, которое, как было предсказано, спасет ее избавителя от какого-то великого несчастья. По прошествии пятисот лет Гаруда вылупился из яйца, полетел в обитель Индры, погасил огонь, окружавший его, победил его стражей, *дэватов*, и принес *амриту* (амброзию), которая позволила ему освободить свою плененную мать. Несколько капель этого бессмертного напитка, упавших на траву, называемую “Куша”, стали навечно освященными; и змеи, жадно слизывая его, так изрезали свои языки острой травой, что с тех пор они так и остались раздвоенными; но благо вечности было им обеспечено, когда они таким образом вкусили бессмертную жидкость. Причина раздвоения языков у змей до сих пор широко распространена в индийских сказаниях, приписываемых вышеупомянутой жадности; и их предполагаемое бессмертие, возможно, возникло в некоторых подобных историях; небольшая порция *амриты*, как в случае с Раху, обеспечила бы им это благо.

На всех мифологических языках змея является эмблемой бессмертия: ее бесконечная фигура, когда хвост вставляется в рот, а также ежегодное обновление ее кожи и силы являются символами продолжающейся молодости и вечности; и ее предполагаемые лечебные или сохраняющие жизнь качества, возможно, также способствовали легендарным почестям змеиного племени. В индуистской мифологии змеи встречаются повсеместно и имеют важное значение; в той или иной форме они распространены во всех направлениях; аналогичное положение вещей преобладает в Греции и Египте. Изобретательные и образованные авторы приписывают эту универсальность змеиных форм раннему и всепроникающему распространению греха, который, как они говорят нам, в этой идентичной форме, и как мы все действительно знаем, так же стар, как дни нашей прабабушки: это соответствует его возрасту, когда была только одна женщина; его распространенность сейчас так велика, что здесь не место обсуждать.

Если бы такие авторы попытались проследить аллегории греха, Смерти и конца их империи, они могли бы обнаружить в традициях индусов больше намеков на христианское устройство, чем было опубликовано до сих пор — Кришна сокрушающий, но не уничтожающий, тип Бога, который часто широко обсуждался. Гаруда также является вошедшим в поговорку, но не абсолютным уничтожителем змей, ибо он пощадил одного из них, поскольку они и их архетип являются, по отношению к сотворенным существам, вечными. Его постоянное и

предопределенное состояние войны со змеем, облик, который в основном принимают враги добродетельных воплощений или обожествленных героев индусов, является продолжающейся аллегорией конфликтов между Пороком и Добродетелью, столь бесконечно персонифицированных. Гаруда, наконец, появляется помощником всех добродетельных усилий по подавлению греха, как проводник карающей и торжествующей партии, и переносит его на крыльях ветров в области вечного дня.

ГЛАВА XI.

Выставка предметов мистера Буллока, иллюстрирующих поклонение Змеям.

Более шестидесяти лет назад в Египетском зале на Пикадилли открылось то, что было описано как “Уникальная выставка под названием ”Древняя Мексика", собранная на месте в 1823 году при содействии правительства Мексики У. Буллоком, Ф.Л.С. и др.". Иллюстрация, приложенная к опубликованному описанию этой коллекции, показывает, что в ней содержались репродукции некоторых из самых замечательных божеств-змей, которых можно найти в храмах западных частей Америки, и следующий отрывок окажется интересным для наших читателей.

“Гремучая змея, по-видимому, была самым распространенным объектом поклонения и страха; более того, она встречается в том или ином сочетании почти со всеми другими и до сих пор встречается во многих индийских деревнях. Он остается в Тецкоко и в настоящее время вполне совершенен. Осколки можно встретить снаружи домов в Мексике в нескольких местах; огромная голова, помещенная слева от жертвенного камня, отлита из одного из них, расположенного в углу прекрасного здания, используемого для государственной лотереи, и выставленного на улицу. Должно быть, он принадлежал идолу длиной не менее семидесяти футов, вероятно, находившемуся в великом храме и сломанному и похороненному во время Завоевания. Обычно они находятся в свернутом состоянии, с хвостом или погремушкой на спине, но различаются по размеру и положению. Самое прекрасное, что, как известно, существует, я обнаружил в заброшенной части монастыря доминиканцев напротив Дворца инквизиции. Он свернулся в раздраженно выпрямленной позе, с вытянутыми челюстями и в процессе поедания элегантно одетой самки, которая появляется во рту огромной рептилии раздавленной и разорванной - отвратительная деталь, слишком ужасная для описания.

Обращаясь к письму Кортеса Карлу V., переданному Гумбольдтом, мы читаем: ‘С площади мы направились к великому храму, но прежде чем войти в него, мы сделали крюк через ряд больших дворов, самый маленький из которых, как мне показалось, занимал больше места, чем большая площадь в Саламанке, с двойными ограждениями, построенными из извести и камня, и дворами, вымощенными крупным белым тесаным камнем, очень чистым; или, там, где они не были вымощены, они были оштукатурены и отполированы. Когда мы приблизились к воротам

великого храма, к которым вело сто четырнадцать ступеней, и прежде чем мы поднялись по одной из них, Монтесума послал к нам шестерых священников и двух своих вельмож, чтобы они отнесли Кортеса наверх, как они отнесли своего государя, от чего он вежливо отказался. Когда мы поднялись на вершину храма, то, проходя мимо платформы, заметили большой камень, на котором были помещены жертвы, которые должны были быть принесены в жертву. Здесь была огромная фигура, напоминающая дракона, и пролито много свежей крови. Затем Кортес обратился к Монтесуме с просьбой оказать ему любезность и показать нам его богов. Монтесума, предварительно посоветовавшись со своими жрецами, повел нас в башню, где находилось нечто вроде салуна. Здесь были два богато украшенных алтаря с богато обработанными деревянными балками на крыше, а над алтарями возвышались гигантские фигуры, напоминающие очень толстых людей. Тот, что был справа, был Уицилопочтли, их богом войны, с большим лицом и ужасными глазами, эта фигура была полностью покрыта золотом и драгоценными камнями, а его тело обвивали золотые змеи, в правой руке он держал лук, а в левой связку стрел. Маленький идол, стоявший рядом с ним, изображал его пажа и нес копье и мишень, богато украшенные золотом и драгоценными камнями. На шее великого идола были изображены человеческие головы и сердца, сделанные из чистого золота и серебра, украшенные драгоценными камнями синего цвета. Перед идолом стояла чаша с благовониями и тремя сердцами человеческих жертв, которые затем сжигались, смешанные с копалом. Вся эта квартира, как стены, так и пол, была заляпана человеческой кровью в таком количестве, что издавала очень неприятный запах. Слева была другая огромная фигура с мордой медведя и большими сияющими глазами из полированного материала, из которого сделаны их зеркала. Тело этого идола также было покрыто драгоценными камнями. Говорили, что эти два божества были братьями; последнего звали Тецкатепука, и он был богом адских областей. По их представлениям, Он властвовал над душами людей. Его тело было покрыто фигурками, изображавшими маленьких дьяволов со змеиными хвостами, а стены и мостовая этого храма были так заляпаны кровью, что от них исходил запах хуже, чем от всех битв Кастилии. Перед ним лежало подношение в виде пяти человеческих сердец. На вершине храма, в нише, дерево которой было богато украшено, мы увидели фигуру, наполовину человеческую, а наполовину напоминающую аллигатора, инкрустированную драгоценными камнями и частично прикрытую мантией. Считалось, что этот идол содержит в себе зародыш и происхождение всего сотворенного и был богом урожая и фруктов. Стены и алтари были раскрашены, как и все остальное, и настолько отвратительно, что мы думали, что никогда не сможем выбраться отсюда достаточно скоро.

“В этом месте у них был барабан самых огромных размеров, головка которого была сделана из шкур больших змей. Этот инструмент при ударе издавал звук, который был слышен на расстоянии двух лиг, и такой печальный, что заслуживал названия музыки адских областей; и с их ужасающе звучащими рогами и трубами, их огромными ножами для жертвоприношений, их человеческими жертвами и их залитыми кровью алтарями я посвятил их и все их злодейство Божьему возмездию и думал, что никогда не настанет время, когда я смогу сбежать с этой сцены бойни, ужасных запахов и еще более отвратительных зрелищ.

“На месте церкви, называемой Святой Яго эль Тальтелулько, находился храм, который, как мы уже отмечали, был окружен дворами размером с площадь Саламанки. На небольшом расстоянии от него стояла башня, настоящий ад или обиталище демонов, с пастью, напоминающей пасть огромного чудовища, широко открытой и как бы готовой пожрать тех, кто войдет. У двери стояли ужасные идолы; рядом с ней было место для жертвоприношений, а

внутри - котлы и кастрюли, полные воды для переваривания мяса жертв, которое съедали жрецы. Идолы были подобны змеям и дьяволам, а перед ними стояли столы и ножи для жертвоприношений, причем место было залито кровью, которая проливалась в этих случаях. Обстановка была как в лавке мясника, и я никогда не давал этому проклятому зданию никакого другого названия, кроме как ад. Миновав его, мы увидели большие кучи дров и резервуар с водой, подаваемой по трубе из большого акведука; и, перейдя двор, мы подошли к другому храму, где находились гробницы мексиканской знати, он был заляпан сажей и кровью. Рядом с этим был еще один, полный скелетов и груд костей, каждый из которых хранился отдельно, но был аккуратно разложен. В каждом храме были идолы, и в каждом были также свои особые жрецы, которые носили длинные черные одежды, их длинные волосы были собраны в пучок, а уши разорваны в честь их богов”.

Затем мистер Баллок переходит к описанию слепка с великого идола богини войны, который он привез с собой в Англию.

“Этот чудовищный идол, перед которым ежегодно приносились на алтарь тысячи человеческих жертв, вместе со своим пьедесталом высотой около двенадцати футов и шириной четыре фута изваян из цельного куска серого базальта. Его форма частично человеческая, а остальная состоит из гремучих змей и тигра. Голова, необычайно широкая, кажется, как у двух соединенных гремучих змей, изо рта торчат клыки, о которые все еще трепещущие сердца несчастных жертв терлись в качестве акта наиболее приемлемого жертвоприношения. Тело представляет собой деформированный человеческий каркас, а место рук занимают головы гремучих змей, размещенные на квадратных постаментах и соединенные бахромчатыми орнаментами. Талию опоясывает пояс, который первоначально был покрыт золотом, а под ним, доходящий почти до земли и частично прикрывающий деформированные раздвоенные лапы, покрывало, полностью состоящее из обвитых гремучих змей, которые народы называют коуатликуйе, или одеяниями из змей, с каждой стороны которых есть крылатые окончания из перьев грифа. Между ступнями, спускаясь с тела, еще одна обвитая змея покоила свою голову на земле, и вся композиция этого божества строго соответствует адской цели, для которой оно использовалось, и с которой слишком хорошо согласуются личные украшения. С шеи, перекидываясь на деформированную грудь, свисает ожерелье, состоящее из человеческих рук, сердец и черепов —подходящих эмблем кровавых обрядов, ежедневно совершаемых в его честь.

“Мертвая голова и изуродованные руки, четыре из которых окружают грудь богини, напоминают нам об ужасных жертвоприношениях Теоквакват, совершавшихся в пятнадцатом веке через тринадцать дней после летнего солнцестояния в честь бога войны и его спутницы Теоямики. Изуродованные руки чередуются с рисунком некоторых ваз, в которых сжигались благовония. Эти вазы назывались Топсикалли, мешочки в форме тыквенных тыкв. Этот идол был изваян со всех сторон, даже под тем местом, где был изображен Миктлантейхтли, Владыка места мертвых; не подлежит сомнению, что он поддерживался в воздухе с помощью двух колонн, на которых покоились руки. Согласно этому причудливому расположению, голова идола, вероятно, была приподнята на пять или шесть метров над полом храма, так что жрецы, тащившие своих несчастных жертв к алтарю, заставляли их проходить под фигурой Миктлантейхтли. Вице-король Мексики перевез этот памятник в университет, который, по его мнению, был наиболее подходящим местом для сохранения одного из самых любопытных памятников американской старины. Профессора университета, монахи ордена Святого Доминика, не пожелали выставлять

этого идола на обозрение мексиканской молодежи и распорядились перезахоронить его в одном из переходов Колледжа. Но мистер Гумбольдт откопал его по просьбе епископа Монтерейского.

“В высшей степени любопытным образцом мексиканской скульптуры является чрезвычайно твердый камень, напоминающий хорнштейн, грубая разновидность нефрита, это разновидность компактного камня, самой сложной работы, а также бюст священника или, возможно, идола, представляющего Солнце. Голова увенчана высокой шапкой в форме митры, украшенной драгоценными камнями и перьями, на ней длинные серьги-подвески. Руки подняты, правая поддерживает нечто, напоминающее узловатую дубинку, в то время как левая придерживает цветочную гирлянду, спускающуюся с головы; все остальные части тела покрыты большой гремучей змеей, чья огромная голова и челюсти находятся с правой стороны фигуры, в то время как спины и бока покрыты чешуей и погремушками смертоносной рептилии”.

Наши предписанные пределы теперь достигнуты, и мы можем лишь немного добавить к тому, что уже было сделано, демонстрируя широкое распространение этой уникальной формы богослужения. Снова и снова высказывалось удивление, что столь отвратительное существо вообще могло стать объектом поклонения, но так оно и было, и, кажется, ни одна эпоха или страна не были для него чем-то странным. Действительно, очень рано в истории люди начали поклоняться змею, тому медному змею из Исхода, которого Езекия уничтожил из-за идолопоклонства, к которому он привел людей. Но если убрать этот предмет, надежда на прекращение богослужения была тщетной, поскольку оно зародилось среди ассирийцев, халдеев, финикийцев, египтян и распространилось в Греции, Эстонии, Финляндии, Италии, Персии, Индостане, Цейлоне, Китае, Японии, Бирме, Яве, Аравии, Сирии, Эфиопии, Великобритании, Мексике и Перу.

Таковы были его масштабы — широки, как сам мир, и огромно, не поддающееся оценке или описанию, было его влияние на умы тех, кто оказывался в пределах его досягаемости. Пусть любознательный читатель, желающий узнать больше и познакомиться с многочисленными формами, в которых была изображена эмблема, изучит труды таких авторов, как Кингсфорд и Монфокон, с их многочисленными и хорошо выполненными рисунками, и он с удивлением поразмышляет над тем странным очарованием, которое эта отвратительная рептилия, по-видимому, оказывала на человеческий разум. Мы знаем, что говорят, что он так очаровывает жертву, которую собирается схватить в качестве своей добычи, что несчастное существо лишается всякой силы сопротивления, не менее ошеломляющее увлечение, по-видимому, парализовало человеческий разум и заставило его по той или иной причине принять такую отталкивающую рептилию в качестве объекта поклонения. Однако теперь чары рассеяны, и от того, что когда-то было таким универсальным, мало что осталось, кроме земляных насыпей на месте храмов и полуразрушенных скульптур, собранных в музеях цивилизованных стран.

Конец.

Сноски:

- [1] Дин.
- [2] Eusebius.
- [3] Аристофан.
- [4] Древние фрагменты Кори, Вступление. 34.
- [5] Происхождение языческого идола., Т. 1, с. 175.
- [6] Сабейское послание Ландсира .
- [7] Задница Коулмана. Мифология.
- [8] Происхождение языческого идола., т. 1, с. 45.
- [9] Эррара, История. Америка, том iv., стр. 162-3.
- [10] Путешествие по Юкатану.
- [11] Клавиджеро, том 1.
- [12] Фабер.
- [13] Дин.
- [14] Американские исследования Маккалоха, стр. 225.
- [15] Gesner, Hist. Аним. стр. 54, цитируя Элиана.
- [16] Дин.
- [17] Дин.
- [18] Миф Дэвиса. о друидах.
- [19] Диктант Оуэна. Арт. Драйг.
- [20] Азиатское издание, т. 5, с. 514.
- [21] Индуистский пантеон мавра 342.

Примечания переписчика:

Примечание 21 появляется на странице 98 текста, но на странице нет соответствующего маркера.